Случайная

Екатерина Риз

Екатерина Риз
Случайная

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29179969
ISBN 9785449032010

Аннотация

Очень трудно принять, что ты случайная женщина на жизненном пути любимого мужчины. И в его жизни тебе отведено совсем немного места, а ты замечательная, но не любимая. Лида, вернувшись в родной город после нескольких лет жизни в Санкт-Петербурге, неожиданно оказалась именно в такой ситуации. Давид Кравец казался если не настоящим принцем, то подавал все надежды на звание идеального мужчины. Но, как часто бывает, сказка оказалась лишь её мечтой, а принц не собирался оправдывать надежд Лиды.

Содержание

1 ГЛАВА 5
2 ГЛАВА 35
3 ГЛАВА 65
4 ГЛАВА 102
5 ГЛАВА 132
Конец ознакомительного фрагмента. 142

Случайная

Екатерина Риз

Дизайнер обложки Екатерина Риз

© Екатерина Риз, 2018
© Екатерина Риз, дизайн обложки, 2018

ISBN 978-5-4490-3201-0
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1 ГЛАВА

Мой чемодан стоял у двери, и домочадцам это активно не нравилось. Все проходили мимо, и на него поглядывали, с недовольством. На меня старались вовсе не смотреть. Это было, мало того, что неприятно, так ещё и глупо. Вот так вот, сваливаться родне на голову без предупреждения. Но, правда в том, что я не свалилась, я приехала домой, в свою квартиру, но мне были не рады.

Мачеха мыла посуду на кухне, и даже по её спине было понятно и заметно, что она едва сдерживается. Я же стояла у окна, сложив руки на груди, и прислушивалась к тому, что происходит за стенкой. А там мой сводный брат с женой о чём-то негромко шушукались. Конечно же, обсуждали моё появление, и, наверное, какой я нехороший человек. Претендую на собственную жилплощадь.

Прислушиваться я прекратила, всё равно понятно ничего не было, и я себя лишь растравливала подозрениями. Поэтому обратила своё внимание на мачеху. В родном городе я отсутствовала несколько лет, а точнее, пять, и всё это время с любимыми родственниками не встречалась. Отцу звонила время от времени, напомнить, что я у него есть, и что со мной всё в порядке, а остальных и видеть не хотелось. Да и они по мне, вряд ли, скучали. Мы все друг от друга давно отвыкли. За время моего отсутствия, мой сводный брат, он

был младше меня на два года, успел жениться и обзавестись детишками. И вольготно обустроился с семьёй в моей малогабаритной «двушке», доставшейся мне от бабушки в наследство. Пока я жила в Питере, меня это мало волновало, и даже устраивало. Квартира была под присмотром, коммуналка оплачена, да и я не планировала возвращаться. Мне казалось, что моя жизнь устроена. Кто же знал, что Мишка окажется таким свинтусом, и бросит меня, можно сказать, на пороге загса? Поэтому мне и пришлось принимать радикальные меры, собирать вещи и уезжать. А без денег по гостиницам и съёмным квартирам особо не наездишься. И выход нашёлся только один: возвращаться домой, и пытаться заново встать на ноги.

Обидно? Не то слово. И мне, кстати, в этой ситуации труднее всего. Это моя налаженная жизнь рухнула в одночасье. И я не особо рада своему возвращению. А приходится мириться с гневным шёпотом родственников за спиной.

Я разглядывала мачеху. Надо сказать, что за прошедшие пять лет она постарела. И располнела. Я помню её цветущей, энергичной женщиной, всегда уверенной в своих силах и правоте. Которую она не стеснялась доказывать всем окружающим. Их с отцом брак, по крайней мере, меня, счастливой не сделал. Я отлично помнила, что почувствовала, когда папа привёл в дом новую жену. После смерти мамы прошло два года, мне только исполнилось четырнадцать, самый трудный возраст, а тут вот такой подарок. Не скажу, что ма-

чеха относилась ко мне плохо, скорее, принимала, как неизбежное. Наверное, как неизбежное зло. У неё было двое собственных детей, сын и дочка, оба меня младше, и, поселившись в нашем доме всем семейством, мне попытались намекнуть, что я отныне старшая, а, значит, ответственная. Ответственной я быть не желала, тем более, за чужих детей, и мы начали конфликтовать. Негромко, без криков и битья посуды, но душевными и тёплыми наши отношения так и не стали. Я прожила с мачехой и сводными братом и сестрой восемь лет, а потом уехала. Уехала в город, о котором всегда грезила и мечтала, в Питер. Была полна радужных надежд и планов, и была уверена, что если и вернусь, то победительницей. Взгляну свысока, докажу всем свою состоятельность… В общем, продолжать можно долго, а, суровая правда в том, что сейчас я здесь, стою на маленькой кухне бабушкиной квартиры, и деться мне некуда.

– Как отец? – спросила я, когда мне надоело молчать. Чувствовала себя не в своей тарелке. Все за моей спиной перешёптываются, а я молчу и чувствую себя едва ли не виноватой.

Мачеха, кстати, зовут её Луиза Яновна, совершенно немыслимое, на мой взгляд, имя в нашей среднестатистической реальности, выключила воду, вытерла руки кухонным полотенцем, и повернулась ко мне. А я в который раз за это утро подумала, что она постарела. Это не было злорадством или ехидством, наоборот, отчего-то беспокоило. Станови-

лось понятно, что жизнь у родственников не сахар, а я сюда приехала. Заново строить себе трамплин для разбега! Где, где его строить? Во дворе старых, панельных пятиэтажек?

– Нормально отец, – проговорила Луиза, старательно избегая встречаться со мной взглядом. – На работе.

– Я ему звонила вчера, он трубку не взял.

– Я же говорю, на работе он. На ночной смене.

Время было десять утра, и, по уму, любая ночная смена должна была бы к этому времени закончиться.

– А ты чего это вернулась? – спросила меня мачеха, и вот тут проницательно глянула на меня. Глазки прищурила, и впилась ими в моё лицо.

Я тихонько вздохнула, правда, быстро опомнилась, подбородок вздёрнула.

– Не в отпуск, – расстроила я её. – Жить здесь буду.

– Час от часу не легче. – Луиза одёрнула цветастую кофту на пышной груди. Она не только постарела, но и располнела за последние годы. А, помнится, гордилась своими соблазнительными формами. И куда всё исчезло?

Грустно всё это, очень грустно. И здорово пугает.

Я невольно отыскала взглядом своё отражение в зеркале, что висело в прихожей. Не утерпела, подняла руку и заправила за ухо бронзовую прядь. Не скажу, что я красавица, всегда отлично знала свои недостатки наперечёт, и поэтому с возрастом научилась их скрывать, а достоинства подчёркивать. Например, зелёные глаза, высокие скулы и пухлые губы. Воз-

можно, рот у меня крупноват, в юности я комплексовала, считала себя страшненькой, но затем поняла, что это моя отличительная черта, запоминающаяся, и главное, научиться своей особенностью пользоваться. К тому же, мужчины внимание обращали, пухлые, соблазнительные губы всем нравятся. Исключений не знаю. А уж улыбкой я кавалеров всегда сражаю наповал.

– Ты же не собиралась, – заворчала Луиза. – В Питере, говорила, жить хочу.

– Хочу, – не стала я спорить, – но обстоятельства изменились. Пришлось вернуться.

– Замуж же собиралась! – наступила она мне на больную мозоль.

Я губы поджала.

– Собиралась, да так и не собралась.

Мачеха сверлила меня взглядом. Наверное, определиться не могла, позлорадствовать ей по поводу моей неудачи в личной жизни, или расстроиться из-за того, что я не придумала ничего лучшего, как вернуться домой. Чтобы поставить точку в этом вопросе, я сказала:

– Поживу здесь.

– Что, значит, здесь? – Луиза упёрла кулак в крутой бок. – У Жени семья, дети. У нас с отцом поживёшь, – категорично заявила она.

– Вот уж нет, – воспротивилась я. – Живите своей дружной семьёй сами. Меня отделили давным-давно, и менять я

ничего не собираюсь. У вас с отцом трёшка, прекрасно все разместитесь.

– У Жени дети!

– А у меня нервы! – невольно возвысила я голос. – Я его не уговаривала сюда въезжать, это ты так решила. Все отлично устроились! – усмехнулась я. – Вот и я хочу устроиться отлично, в своей квартире. Бабушка её мне оставила.

– Какая же ты, Лидка, вредная. Всегда такой была!

– Почему это я вредная? – решила поразиться я столь явной несправедливости. – Я не виновата, что вы даже номера телефонов мне не даёте, нужным не считаете. Я пыталась отцу дозвониться, предупредить. Но всем плевать, что у меня происходит. А вернулась, так и то не рады!

– А чему радоваться? Семью из дома выгоняешь!

– Из своего дома, прошу заметить! Имею право. А Жене, с его большой и беспокойной семьёй, не мешало бы устроиться на нормальную работу, и задуматься уже о собственном жилье.

– Какая ты умная!

– Не умная, – огрызнулась я. – Была бы умная, была бы сейчас в Питере. Но жить я ни с кем не собираюсь. Хочу жить одна, и буду жить одна!

– Сразу чувствуется, сестра приехала, – зло хмыкнул Женька, появляясь на кухне. Зыркнул на меня. – И не ори, детей напугаешь.

– Ты детей своими растянутыми трениками больше пуга-

ешь, – мило улыбнулась я ему. – Папаша многодетный.

– Не лезь к нему, – одёрнула меня Луиза. – Он семейный человек. Тебе, свиристелке, не понять.

– Куда уж мне, – буркнула я.

– Что, не пришлась ты культурной столице по вкусу?

Я нос наморщила, кинув на брата ехидный взгляд.

– Я хотя бы попыталась. А ты так и просидишь в своём сервисном центре, будешь в чужих мобильных ковыряться. Женя, пора уже работу искать.

– Поучи.

Из-за его плеча выглянула его жена, круглолицая, крашеная блондиночка, маленькая, как кнопка, с усталыми глазами. А девушке, надо сказать, не больше двадцати пяти. А она выглядит бледной и измотанной. Вот и рожай детей одного за другим, особенно, с таким помощником рядом, который только и думает, в каком бы тихом уголке ему пристроиться. Без ущерба своим нервам и физическим усилиям. Только непонятно, для кого Женька всё это бережёт, раз рядом уже отпрыски прыгают и без конца чего-то требуют. Кстати, дети и в этот момент что-то требовали, слава Богу, в соседней комнате, топали и кричали.

А ещё, чтобы уж быть до конца справедливой, меня на свадьбу пригласить забыли, а понимания требуют!

– Ты что же, серьёзно собираешься нас выселить? – спросил Женька. Пытался выглядеть грозным и для этого даже брови сдвинул, якобы сурово. Но на его худом лице, это

смотрелось комично. Правда, он вряд ли об этом догадывался.

Я пожала плечами.

– Не было уговора, что вы будете жить здесь всегда. Хотя, твоя мама, возможно, так и решила. Но обстоятельства изменились. Если они изменятся снова, если я соберусь уезжать, так и быть, я вас всех оповещу. Коллективно порадуетесь.

– Видимо, прижало тебе хвост, – негромко, но достаточно язвительно проговорила Луиза. Махнула на сына рукой. – Бесполезно с ней ругаться, Женя.

– Конечно, бесполезно, – согласилась я. – Но я не зверь, поживу пару дней у Аньки. Пока вы вещи соберёте.

Моя невестка, или кем она мне приходилась, на мужа глянула. Взгляд был сокрушающим, но Женька ничего сделать не мог. Не хотел, да и не знал что. Он с самого детства таким был, у мамы под пятой. Совершенно не приученный отстаивать своё мнение или потребность. За него это делала мама. А Женьку я, да и остальные родственники и знакомые, считали рохлей. И я, если честно, подумать не могла, что найдётся адекватная женщина, пожелавшая связать с ним свою жизнь, в чём-то на него всерьёз понадеяться и родить от него детей. Да ещё так быстро. К двадцати шести годам Женька стал отцом дважды. Но бороться за себя и близких, по ходу, так и не научился.

Вот Полинка, моя сводная сестрёнка, была егозой ещё той. И характер ей от мамы передался, заносчивый и зло-

вредный. С сестрой я также не встречалась около пяти лет, но от Аньки знала о её жизни в деталях. Аня – моя двоюродная сестра по матери. Она и матушка её, моя родная тётка, Наталья, были моими единственными близкими родственниками. Не считая отца, который, правда, с головой ушёл в семейные проблемы приёмных детей, а не мои. Не сказать, что он меня не любил, любил, но как-то потерялся в последние годы. Я его своими неприятностями и неурядицами не беспокоила, сообщала только хорошие новости, порой те попросту придумывая, и папа обо мне не переживал. Очень давно перестал переживать, сосредоточен был на тех животрепещущих темах, что ему озвучивала жена. А я в её мыслях не занимала никакого места, абсолютно.

Оставаться дальше, ругаться и выяснять, кто больше не прав, смысла не было. Поэтому я взяла свой, набитый вещами, чемодан, попросила сообщить мне, как только квартира освободится, и снова оказалась в подъезде. А за мной тут же захлопнули дверь. Очень вежливые, интеллигентные люди. Прямо душа радуется, когда подумаешь, что это мои родственники.

Лифта в пятиэтажке, конечно, не было, поэтому пришлось тащить чемодан вниз по ступенькам. Я запыхалась, дважды споткнулась и бормотала под нос ругательства. Зато у подъезда встретилась с соседкой. Та уже была в преклонном возрасте, ещё с бабушкой моей дружила, и уже тогда казалась мне старенькой. Но вот, уже семь лет, как бабуш-

ки нет, а Валентина Ивановна кажется всё такой же бодрой, а глаза горят прежним любопытством. И, увидев меня, она всплеснула руками.

– Лида, вернулась!

Я улыбнулась. Остановилась.

– Вернулась. Как вы поживаете, тётя Валя? Как здоровье?

– Да какое здоровье, Лида, что ты, – Валентина Ивановна отмахнулась смущённо, словно красна девица, а я ей какой-то неприличный вопрос рискнула задать. – Мне лет-то сколько! В моём возрасте здоровья, в принципе, не остаётся. Нужно просто просыпаться по утрам.

– Вы отлично выглядите, – вполне искренне сказала я ей.

– А ты-то красавица какая стала, Ленинград тебе на пользу пошёл. Вот бы бабушка порадовалась. Уж как она тебя любила, как любила. – Валентина Ивановна аккуратно подхватила меня под руку, а сама кинула взгляд наверх, на окна моей квартиры. Я тоже посмотрела, но никого не увидела. Хотя, не удивилась бы. – Что, Луизка там? Неужели выгнала тебя?

– Да Господь с вами, тётя Валя. – Я снисходительно улыбнулась. – Я уже не в том возрасте, чтобы меня выгонять. За себя постоять научилась.

Валентина Ивановна закивала.

– Это правильно. А этой прохвостке и вовсе спуска давать нельзя. Каждый день мимо меня шмыг-шмыг, и даже головы не повернёт. Гордая какая. До сих пор на весь свет

злится, что Настасья тебе квартиру подписала, а не отцу твоему. Тогда бы она точно сыночка своего прописала. А я ей и тогда говорила: Лиду, Лиду почто обижать? Уж она ли бабушку не любила, всё детство бегала сюда. На глазах у всего дома росла. – Валентина Ивановна снова в моё лицо вгляделась, улыбнулась. – Красавица. – Кинула взгляд на чемодан. – А чего ж ты, уезжаешь уже?

– Нет. У Аньки поживу. Пока Женя с семейством из квартиры уедет.

– Остаёшься, значит? – обрадовалась соседка.

А я вздохнула и сокрушённо кивнула.

– Остаюсь.

Соседка порадовалась, а я повода для радости никак найти не могла.

Квартира отца, в которой и я выросла, находилась совсем недалеко, можно сказать, что в соседнем дворе. В рассказы о том, что папа усердно трудится днями и ночами, я не слишком поверила, и поэтому хотелось убедиться воочию. И, решив воспользоваться тем, что мачеха занята проблемой сына и моим коварством, наверняка, обсуждают и никак успокоиться не могут, я отправилась в гости к отцу. Шла по неровному асфальту, стучала каблуками, тянула за собой массивный чемодан на колёсиках со всем своим имуществом, и оглядывалась, вспоминая детство и юность, что провела на этой улице. Те же дома, те же детские площадки, те же деревья и кустарники. За пять лет мало что изменилось. Кро-

ме людей.

Папу обнаружила во дворе, на лавке, в компании друзей-приятелей. Может, ночью он, на самом деле, работал, а вот сейчас выглядел расслабленным и слегка захмелевшим. А при виде меня с чемоданом, нелепо всплеснул руками.

– Лидуня, ты приехала?

Я чемодан оставила у поребрика, шагнула на газон. Отцу улыбнулась. А внутри что-то сжалось. Я была рада его видеть. На самом деле, рада. Вот только отец тоже постарел. Похудел, как-то сгорбился. И уже не выглядел бравым и энергичным. Тем моим любимым папой, к которому я в детстве бежала навстречу, раскинув руки в радостном приветствии. Отец постарел. Мне захотелось дотронуться до него, положить ладони ему на щёки и заглянуть в потускневшие глаза. И спросить: что же случилось?

Но я знала, что случилось. Просто жизнь. И он справляется, как может.

Я кинула взгляд на мужчин, собравшихся вокруг самодельного стола, решила, что возмущаться и ничего отцу выговаривать не стану, и поэтому просто обняла его. В конце концов, мы так давно не виделись.

– Папа, я так рада тебя видеть. – Я отстранилась, окинула отца ещё одним изучающим взглядом. Постаралась скрыть своё беспокойство, и улыбнулась. Правда, заметила: – Ты похудел.

– Так работаю, Лидунь, кручусь.

– Это хорошо, – похвалила я. И тут же пожурила: – Я звонила тебе два дня, а ты трубку не взял. Я беспокоилась.

– И поэтому приехала?

Стало немного неудобно.

– Нет. Вообще-то, я вернулась. Поживу здесь. Не знаю сколько.

– А как же твой Питер?

– Вот как-то так… Я хотела тебя предупредить, что приезжаю. А не вышло. Удивила Женьку, заявившись в семь утра. – Я сделала страшные глаза, но отец не улыбнулся. Кажется, наоборот, насторожился. Мне захотелось ругнуться, правда. Пришлось сознаваться: – Вот такой сюрприз я вам устроила.

Папа глянул на чемодан. Всполошился неожиданно.

– Так пойдём домой, я помогу вещи донести.

– Папа, я поживу у Аньки. Я её уже предупредила. А Женька с семейством к вам переедут.

– Вот, значит, как вы решили!

Мы решили! Его мнения никто не спросил, а он и не настаивает!

Слишком многое изменилось за пять лет, слишком многое.

– Да, решили так, – проговорила я. – Готовься морально, Луиза тебе сегодня мозг вынесет. Но ты не поддавайся! – попросила я его с намёком на шутку и браваду.

Отец мотнул головой, но несколько не уверено.

– Не буду.

Я только оглянулась на дом, посмотрела на окна квартиры, в которой выросла, но заходить отказалась. Сославшись на то, что чемодан по лестнице затаскивать тяжело. Пока ждала такси, расспрашивала отца о жизни, о работе. Слушала его, и замечала странную вещь, что отец всеми силами передо мной хорохорится. И мне было его жалко. Мы сидели на лавке перед подъездом, я держала его за локоть, пытаясь вспомнить, что значит родительская забота и любовь, аккуратно рассказывала о себе и о проблемах, которые сподвигли меня покинуть Санкт-Петербург. И его тоже оповестила:

– Замуж я не выхожу.

Отец похлопал меня по руке, в качестве успокоения.

– Не расстраивайся. Ты красавица такая, выйдешь ещё. Или хочется?

– Стабильности хочется, – призналась я. – И мужика стоящего. Не знаешь, где взять?

Папа посмеялся.

– Можно у нас в сервисе пошукать. Есть парочка неженатых.

– В автосервисе? – переспросила я. После чего качнула головой. – Нет, я попробую сама. Для начала. – А когда уже собиралась сесть в подъехавшее такси, отцу сказала, точнее, подсказала: – С Луизой не ругайся, вали всё на меня. Я с ней справлюсь, а тебе она плешь проест.

Отец вздохнул совершенно несчастно.

– Вот любите вы, девочки, ругаться.

– Не любим, но приходится. – Я быстро поцеловала его в щёку. – Я позвоню. У Аньки буду. Заходи в гости.

Отец глаза вытаращил.

– К Наталье, что ли? Так это ж хуже Луизы, я от неё сам не свой выхожу!

Я ткнула отца пальцем в грудь.

– Потому что после мамы, лучшая женщина в мире, это тётя Наташа. А ты Яновну осчастливить решил. За что-то.

К тётке в дом я заявилась, мало того, что уставшая, так ещё и морально вымотанная. Хорошо хоть, жила она с дочерью в девятиэтажке, и лифт работал. Потому что свой чемодан я уже начала тихо ненавидеть.

Анька открыла мне дверь, высокая, подтянутая, с немыслимыми рыжими кудрями. Я как раз выходила из лифта, и застонала, в надежде, что меня пожалеют. Сестра пожалела, забрала у меня чемодан и втащила его в квартиру сама. Я вошла следом и тут же скинула с ног туфли. Привалилась к стене.

– Не думала, что так сильно обрадуюсь возвращению.

Анька засмеялась, притянула меня к себе и от души расцеловала.

– А я рада, что ты приехала. Полгода не виделись. Мам, Лида приехала!

Тётя Наташа вышла из кухни мне навстречу, и я, наконец, совершенно искренне улыбнулась. Всегда, когда я виде-

ла тётку, мне становилось спокойно и тепло на душе. Я всегда вспоминала маму. И поэтому с такой радостью позволила себя обнять. Крепко, от души, и щёки под поцелуи подставила.

– Золотце наше, приехала, наконец. Как добралась?

– Через все жизненные препятствия, – пожаловалась я.

– Пойдём на кухню, кормить тебя буду. Сырников нажарила.

– Поживу у вас несколько дней, – сказала я чуть позже, уплетая сырники на светлой кухне. Анька от вкуснятины гордо отказалась, сидела на очередной диете, а я вот наплевала на голос разума, и положила себе на тарелку уже третий по счёту сырник. И щедро полила тот сгущёнкой. – Поставила Женьку перед фактом, чтоб съезжал.

– Вот тот, наверное, обрадовался, – ухмыльнулась Анька. С матерью переглянулась. Но та не улыбалась, та, наоборот, хмурилась. Стояла с поварёшкой наперевес и помахивала ею достаточно грозно.

– Луизка скандалила?

– А то, – ответила я, облизывая большой палец. – К совести моей взывать пыталась. Что я маленьких детей на улицу выставляю!

– Не поддавайся, – сказала тётка. – Это твоя квартира. А они хорошо устроились!.. Луиза всеми делами крутит-вертит. Она ведь квартиру отцовскую продать собирается.

Я замерла, смотрела на родственницу во все глаза.

– Как продать? А жить они где будут?

– Дом она затеяла купить в пригороде. Но, Лида, не на месте у меня сердце, вот прямо чувствую!..

– Что?

– Оставит она папашу твоего без угла. И куда он придёт? В материну квартиру и придёт. К тебе, то есть!

Я вздохнула, на сестру посмотрела. Та хранила мрачное молчание. Анька терпеть не могла мою мачеху и её семейство, ещё с тех пор, когда они только появились у нас в доме. И нетерпимость свою до сих пор сохранила, и, кажется, даже множила в себе. Поэтому старалась обходить родственников стороной. Хотя, по сути, они родственниками ни ей, ни её матери не приходились. Но как-то жизнь так распорядилась, что всех нас воспринимали, как единую, не слишком дружную семью.

– И что я могу сделать? Я там не прописана давно. Моего мнения никто не спросит.

– Вот Луиза этим и пользуется. А отца твоего мне жалко!

– Мне его тоже жалко, – призналась я. – Но жену ему не я выбирала. Моего мнения он спросить забыл.

– Да уж. – Тётка печально вздохнула, тоже за стол присела. На меня посмотрела со знакомой уже маетой. – Мать твоя, Тоня наша, покоя себе не находит, наблюдая за всем этим.

Я откровенно поморщилась.

– Тёть, ну зачем ты…

– В самом деле, мама. – Аня глянула на мать красноречи-

во. – Что ты вечно!..

– Молчите обе, – махнула она на нас рукой. – Молоды ещё, рот мне затыкать. – Повернулась ко мне. – А ты рассказывай. Что у тебя в Питере не срослось?

Есть мне расхотелось. Я с сожалением взглянула на недоеденный сырник, и тарелку от себя отодвинула. Подбородок рукой подпёрла, после чего известила:

– Мишка – гад. Жениться передумал.

Анька не к месту усмехнулась, но я знала причину. Мишка моей сестре не нравился. И тут же в голову мне пришла интересная мысль: кажется, моей двоюродной сестре мало кто из людей нравится. Она всех своим рентгеновским взглядом просвечивает, и тут же вердикт выносит. А с Анькой, как с Верховным судом, вердикт не обжалуешь.

А вот тётка обеспокоенно качнула головой.

– Поругались?

– Поругались, – кивнула я. – Но дело ведь не в этом! Мы каждую неделю ругались, и ничего. А тут вдруг: надоело, не женюсь, развод на полкровати! – Я возмущённо выдохнула. – И, в итоге, мне даже полкровати не досталось, потому что квартира была съёмная. Он вещи собрал и свалил. А я осталась! Без денег, без работы, без жилья. И что мне было делать?

– Всё так плохо? – заинтересовалась Анька, но тётя Наташа её перебила:

– А что у тебя с работой?

Я насупилась.

– Ничего. В том смысле, что этот гад полгода меня уговаривал бросить работу. И я, дура, его послушала! А какие песни пел!.. Ань, ты помнишь?

Сестра решительно кивнула.

– Помню. Я тебе ещё тогда сказала: не слушай его. А ты?

– А мне хотелось верить в лучшее, – расстроилась я. – Ведь должен быть и на моей улице праздник? Когда-нибудь… – Я на тётку посмотрела, и принялась ей рассказывать: – У нас ведь всё серьёзно было. Полтора года жили. Не идеал, конечно, не мечта любой женщины, и звёзд с неба не хватает, но всё при нём. И руки золотые. Он ремонтами занимается, бригаду свою сколотил.

Тётя Наташа покивала, внимательно слушая меня. А я продолжала жаловаться. Это было так неожиданно приятно, пожаловаться хоть кому-то, кто тебя слушает, и кому не всё равно. Кто за тебя переживает.

– Сначала просто жили, потом про свадьбу заговорили. И вот тогда он начал меня подзуживать: уходи с работы, уходи с работы. Женщина должна домом заниматься, очагом, – передразнила я бывшего. – А на твоей работе мужики сплошные! А какие там мужики? То есть, мужики, конечно, но они же обедать приходят, ужинать. И, в большинстве своём, не одни! А это моя обязанность – встречать посетителей ресторана, я же администратор! Я права?

– Права, Лидочка, права, – с готовностью поддакнула тёт-

ка.

– Вот. А я дура, повелась на его красивые речи. – Я руками развела. – И осталась ни с чем. Я не работала восемь месяцев, мои личные деньги, даже НЗ, давно закончились. А на что я их истратила? На него. И на свадьбу! И когда Мишка уехал, я осталась в съёмной квартире, совершенно без денег. Конечно, он мне от барской щедрости на столе пятитысячную оставил, но куда я с ней? – Я откинулась на низкую спинку кухонного диванчика, снова нахмурилась, а руки на груди сложила. – Только на билет на поезд и хватило. Даже за квартиру нечем было заплатить, Мишенька же у нас экономил, по договору не снимал! Последний месяц заранее не оплачивал! Вот меня хозяйка и выставила. Обидно до ужаса!

– Конечно, обидно!

А Аня, наперекор словам матери, сказала:

– Радуйся. На фиг тебе в мужья такой придурок?

– Он не был придурком, – обиделась я.

– Да, долго притворялся, – фыркнула Анька. – Артист.

Тётя Наташа тронула дочь за руку, выразительно глянула.

– Перестань. Ей и так плохо.

– Вот именно, – обиделась я. – Мне плохо. А ты издеваешься.

– Я тебя жизни учу!

– Себя бы поучила, – неделикатно заметила тётка. – А то, как разбежалась со своим Витькой, так и сидишь сиднем!

– Поэтому и говорю, предупреждаю: не надо связываться с придурками! Тем более, замуж за них выскакивать. Даже по большой любви! Где она, любовь-то? У меня, у тебя, Лид? Кинул пятитысячную, и свалил. А ты: красивый, люблю!

– Больше не люблю, – буркнула я. – Я предателей, вообще, не жалую.

– Вот и помни об этом. – Анька, зараза, мне язык показала.

– Ты чего какая злющая? – спросила я у неё, когда мы из кухни переместились в её комнату. Дверь закрыли, я плюхнулась на диван и блаженно вытянулась на диванных подушках. На самом деле устала. И ноги от долгого хождения на каблуках гудели.

– Да ну, – отмахнулась сестра. – Одна сплошная морока, а не жизнь.

Я фыркнула от смеха.

– И кто же тебе голову заморочил?

– Смешно тебе. А я, может, страдаю?

– Может, – согласилась я.

Анька присела на край стола. Вытянула длинную ногу, полюбовалась. Ноги свои Анька любила. Считала, своей гордостью, и вечно носила мини.

– Что делать будешь? – спросила она меня, видимо, решив сменить тему. – Неужели здесь останешься?

– А у меня выбор есть? Надо прийти в себя… после такого предательства, – глухо проговорила я. Продолжила: – Денег

накопить. А чтобы их копить, сама знаешь, нужно работать. А чтобы работать, не мешало бы работу найти. В общем, забот полон рот, как бабушка говорила.

– С одной стороны, это хорошо. Поменьше будешь думать о своём рыжем.

– Он не рыжий!

– Рыжий, рыжий, – настырно поддразнила меня Анька. – Конопатый.

– Ты точно злющая.

– Настроение на нуле. Жизнь идёт, а я живу с мамой.

– Не клевещи на тётю, она классная.

– Ага, когда ты в Питере живёшь. А вот как она начнёт решать твои проблемы, по-своему, вот тогда и посмотрим, как ты запоёшь.

– А я не против. Может, она семейство от меня отвадит?

– Сцепиться с Луизой по достойному поводу, мама давно не против. Но вряд ли она победит.

– Да уж. Против мачехи сработает только осиновый кол.

– Слушай, есть мысль. Пойдём в ресторан? Отметим твоё возвращение. – Заметив, как я в сомнении нахмурилась, бодрые интонации решила поубавить. – Или погорюем. За бокалом красного вина.

Я сделала вид, что призадумалась, но уже через пару секунд согласно кивнула. А Анька расцвела в улыбке. Победно вскинула руки.

– Тогда выбираем лучшие платья, и идём страдать. Хва-

лись нарядами!

Хвалиться получилось плохо, все мои наряды оказались изрядно помятыми после многочасового путешествия из культурной столицы. Пришлось браться за утюг и приводить платья в порядок. Затем примерка, выбор был непростым, и, в итоге, из дома мы вышли глубоким вечером, под настойчивые наставлению и предупреждения тёти Наташи. Мы с Анькой, как когда-то в юности, словно нам снова было по семнадцать, кивали её маме и беспрестанно улыбались, обещали вести себя хорошо и быть серьёзными девушками. А когда, наконец, вышли за дверь, и закрыли её за собой, переглянулись, но смеяться или вздыхать поостереглись. Тётя Наташа наверняка ещё стояла за дверью.

– А ты говоришь, – страшным шёпотом проговорила Анька, спускаясь вперёд меня по ступенькам и покачиваясь на высоких каблуках. – Вот и попробуй наладить личную жизнь, когда тебя без конца пугают маньяками и аферистами.

Я решила согласиться, что это действует на нервную систему не совсем положительно.

Ресторан, в который меня сестра привезла, был мне неизвестен. Раньше на его месте располагался большой гастроном, и вспоминать это было смешно. Мы вошли в холл, я оглядывала интерьер, а вспоминала полки и прилавки. Хозяевам заведения мои воспоминания вряд ли пришлись бы по душе. Но что поделать. Но я так же оглядывалась не про-

сто с любопытством, но и, хотелось бы так думать, с профессиональным интересом. Всё-таки в Питере я работала администратором в трёх ресторанах. Возможно, не фешенебельных, рассчитанных на клиента со средним достатком, но весьма популярных. С последнего места работы, которое я особо любила, я уволилась из-за Мишкиных уговоров. И теперь оставалось только локти себе кусать. Кстати, после бегства жениха, я рискнула позвонить на прежнее место работы, но, конечно же, в моих услугах больше не нуждались. Правда, я на такую удачу и не надеялась.

Мишка, вообще, умудрился убить во мне надежду на какую-либо удачу в ближайшем будущем, на корню. Спасибо огромное. Вот и верь мужикам после этого.

– Классное место, – шепнула мне Анька, когда мы прихорашивались перед зеркалом в холле. – Заодно, гляну на конкурентов.

Чтоб вы знали, сестрёнка у меня тоже была вхожа в ресторанный бизнес. Успешно трудилась барменом, и уверяла, что в ресторане рангом покруче этого, к тому же при крупной гостинице. Но то заведение нам с ней явно было не по карману. По Анькиным рассказам, в «Алмазе» собирались приличные, солидные люди. Обеспеченные. Которые оставляли хорошие чаевые. Сестра тоже сменила немало мест работы, прежде чем сумела себя зарекомендовать настолько, чтобы подняться до «Алмаза». И этим, точнее, собой, весьма по этому поводу гордилась.

Нас проводили за столик, Анька тут же развернулась в сторону бара, придирчиво прищурилась, а я спокойно положила сумочку на соседний стул, и окинула зал заинтересованным взглядом. Тёмные тона, тяжёлая, дубовая мебель, несколько устрашающие картины на стенах, но было заметно, что в зале порядок и чистота. Официанты бегают между столиками, улыбаются и даже кланяются. Играет негромкая музыка, а желающим ставят на столики цветы и милые свечки, создавая романтическую атмосферу. Парочек в зале было немало. Они тихо переговаривались, держались за руки, и пили вино. Вдруг стало грустно и немножко обидно. У меня пары отныне не было.

Наверное, я не проницательная, и не мудрая. Раз далеко не сразу поняла, что что-то в наших с Мишей отношениях пошло не так. А я ведь к нему привыкла, и даже любила. Мне так казалось. Да, первая влюблённость прошла, и, возможно, чувства несколько угасли, но мне нравилось чувствовать себя нужной и любимой. Мне нравилось чувствовать себя женой. И поэтому я так легко, можно сказать, долго не сомневаясь, позволила превратить себя в домохозяйку. Считала, что это огромный, огромный шаг вперёд в наших с ним отношениях. Следующий – штамп в паспорте. Вещь банальная и не особо важная. Но к свадьбе всё равно готовилась. Церемония не должна была быть пышной и громкой, но я выбрала себе офигенное свадебное платье с пышной юбкой и фатой, как всегда мечтала, и даже готова была расцеловаться

с Мишкиными родителями, которые не слишком меня жаловали. Почему-то. Я же считала себя завидной невесткой. Готова была выслушивать и уважать. Я столько всего себе напридумывала, столько обещаний надавала, самой себе, кстати, тоже, и ничего не сбылось. Конечно, обидно.

От этой самой обиды, я залпом осушила первый бокал. И приказала себе на парочек не смотреть. Чтобы не вспоминать, как мы с Мишкой вот так же сидели, перешёптываясь и держась за руки. В маленьком ресторанчике на берегу Невы. Мы любили проводить так время… Когда-то. В период ухаживания и разгорающихся чувств. Давно это было, правда.

– Ну вот, вечер испорчен, – неожиданно заявила сестра.

Я отвлеклась от своих мыслей, посмотрела на неё, заметила на лице недовольное выражение и недоумённо вздёрнула брови. Проследила за её взглядом. А когда поняла на кого она смотрит, даже на стуле развернулась. Правда, Анька тут же дёрнула меня за руку и зашипела:

– Отвернись, отвернись. Не смотри на неё.

Но было поздно. Во-первых, мне было слишком любопытно, а, во-вторых, моя сводная сестра нас уже заметила. Полина была не одна, в компании мужчины, именно мужчины, а не молодого человека. Лет пятидесяти, плотного телосложения, с заметным животиком, но, судя по тому, как он выдвигал своё пузико вперёд, он им безмерно гордился. А вот Полинка рядом с ним смахивала на тростинку. Сводная сест-

ра, на самом деле, похудела, повзрослела, отрастила волосы, и теперь изображала русалку, которую выпустили на сушу на один вечер, поразить воображение простых смертных. Даже платье на ней было блестящее. А декольте такое, что грудь грозила вот-вот вывалиться, и тогда все точно бы поразились.

Полина заметила нас, точнее, её больше заинтересовала я, в первый момент на её лице мелькнуло недовольство, не меньшее, чем посетило Аньку минуту назад. Затем она что-то шепнула на ушко своему сопровождающему, и направилась к нам через зал. Я развернулась на стуле, посмотрела на Аньку, та выглядела кислой. Они с Полинкой друг друга терпеть не могли, с самого знакомства. А с тех пор, как Аньке исполнилось тридцать, и Полина на законных основаниях смогла величать её барышней бальзаковского возраста, и вовсе друг друга возненавидели. Потому что Анька тоже за словом в карман не полезет, и она в ответ придумала для Полины столько ободряющих и милых эпитетов, что моей сводной сестре не оставалось ничего, как начать выстраивать оборону по полной. Вот и сейчас Полина подошла к нашему столу, и предпочла Аньку проигнорировать. Присела на свободный стул, и повернулась ко мне. Анька осталась за её плечом. Это, правда, было невежливо, но я вмешиваться поостереглась. Уж слишком воинственно обе выглядели.

– Кого я вижу, – протянула Полина. – Вернулась на малую родину?

Я разглядывала сестру, которую, на самом деле, никогда сестрой не считала. Всерьёз. И она отвечала мне взаимностью. Просто обстоятельства так сложились, что мы какое-то время вынуждены были жить под одной крышей.

Я ослепительно улыбнулась, откинула назад роскошную, бронзовую шевелюру. Волосы у меня шикарные, густые, к тому же сочный, бронзовый оттенок абсолютно натуральный, ни в каких красках и других манипуляциях я не нуждалась. А вот Полина лет с пятнадцати старательно вытравливала свой тусклый, русый цвет, в надежде превратиться в платиновую блондинку. За те годы, что мы не виделись, ей это удалось. И теперь она была совершенно не похожа на ту девочку-подростка, какой я её помнила.

– Приехала вас навестить, – ответила я.

А Полина совершенно неуважительно фыркнула.

– Не ври. Мне мама звонила. Рассказала, как ты Женьку с детьми из дома выгоняла.

Улыбаться я перестала, переглянулась с разозлённой Анькой.

– Во-первых, из моего дома. А, во-вторых, не выгоняла, а вежливо попросила уехать. И причина для этого следует из первого пункта.

– Сути это не меняет.

– Ни о какой сути я ничего знать не хочу, – практически перебила я её. – И проблемы не вижу. У вас трёшка. Живите и наслаждайтесь.

– Совести у тебя нет.

– У тебя с матерью совести много, – не вытерпела Аня. Сунулась вперёд через стол, чтобы не оставаться за плечом Полины. Кивнула на поджидающего Полину кавалера. Усмехнулась. – Опять папика подцепила. Попроси, вдруг поселит тебя у себя. В апартаментах! Должно же тебе когда-нибудь повезти, в конце концов.

– А ты, вообще, молчи, – огрызнулась Полинка. – Ты сама обслуживающий персонал, и мужиков таких же цепляешь. Электрик тебя бросил. Кто следующий на очереди, сантехник? А часики-то тикают.

– Ах ты, зараза, – от всей души, и даже с каким-то извращённым удовольствием, проговорила Анька. И уставилась на мою сводную сестру с явным намёком обдумать причину для её небыстрой, мучительной гибели.

Я взмахнула рукой, словно судья на ринге. И несколько неуверенно проговорила:

– Девочки, прекратите. Вы же сёстры!

– «Чёрная вдова» ей сестра, а не я! С противными восемью лапами и зубами в разные стороны! А меня Бог миловал! – Выпалив всё это, Аня с чувством выполненного на этот день долга, откинулась на спинку стула и вальяжно взмахнула рукой. – Официант! Официант! Ещё вина!

Полина показательно наморщила аккуратный носик, наблюдала за Анькой, после чего негромко, но отчётливо проговорила:

– Какое жалкое зрелище. – Красиво поднялась и направилась прочь, к осчастливленному «папику». Я посмотрела ей вслед, потом на мужчину взгляд перевела. Тот, на самом деле, выглядел счастливым. Поразительно, меня это отчего-то царапнуло. Не хотелось даже думать, что это зависть.

Захотелось обратно в Питер. Сильно.

2 ГЛАВА

В гостях хорошо, но дома, всё равно, лучше.

Правда, и я не была в гостях, ещё до переезда в Питер я частенько жила у тёти, сбегала от ссор с мачехой, можно сказать, что их с Анькой квартира для меня дом родной. А вот бабушкина квартира никогда не была для меня домом. И поэтому никакой ностальгии или облегчения из-за того, что в очередной раз припёрлась сюда с чемоданом, не почувствовала. Но квартира была пуста, никто не выбежал мне навстречу с намерением устроить скандал, и вот это уже радовало. Я заперла за собой дверь, включила в прихожей дверь и минуту прислушивалась к себе. Не совсем понимала, что я должна в этот победный момент чувствовать, потому что не чувствовала ничего. У меня есть своя квартира. Маленькая, но своя. Женька даже ремонт сделал кое-какой. Правда, в маленькой комнате обои голубые со смешным детским рисунком в виде облачных замков, но это даже символично. Буду смотреть на них, и уговаривать себя в собственной голове подобных не строить.

Тётя Наташа всё утро уговаривала меня не торопиться с переездом. Убеждала, что мне ещё рано жить одной. После любовной драмы. Наверное, я слишком часто вспоминаю Мишку, раз все вокруг думают, что у меня драма. Драма, конечно, но я почему-то не умираю, не бьюсь головой о стену,

больше злюсь. И из-за этой самой злости без конца поминаю бывшего жениха красным словцом. И только представляю, как обрадовались его родители, когда узнали, что мы расстались. То есть, он меня бросил, и мне пришлось уехать из города. Наверное, ждали, что иначе я на их любимого сыночка устрою полномасштабную охоту.

Я скинула с ног босоножки, прошла в комнату и присела на диван. Сидела в тишине и смотрела на мебель, стены, за окно. Пора было свыкаться с мыслью, что у меня не отпуск, и всё это не на неделю. Я сюда жить переехала. За окном двор спального района провинциального города, никакого гула машин, воя сирен, привычной жизни мегаполиса. Во дворе носятся дети, катаются на велосипедах, а кое-кто из соседей до сих пор на уличных верёвках выстиранное бельё сушит. И что примечательно, это никого не удивляет в наше время, и бельё никто не ворует.

Странно, но на стареньком комоде стояла фотография бабушки в рамке. Неужели так и простояла все эти годы, или специально для меня выставили? Я смотрела на знакомое, родное лицо, и мне было грустно.

– Надо съездить на кладбище, – сказала я Аньке, набрав её номер.

Та моему порыву не удивилась, сразу согласилась.

– Конечно, съездим. Мать возьмём. Цветочков родственникам купим.

Я кивала, забыв, что сестра этого видеть не может. А Ань-

ка быстренько сменила тему:

– Думаю, машину купить.

– У тебя же прав нет, – удивилась я.

– Прав нет, – согласилась она, – а деньги есть. У Стёпки учиться буду, я с ним уже договорилась.

Я недоумённо сдвинула брови.

– Какого Стёпки?

– Морозова. У твоего Стёпки Морозова.

Господи, в этом городе не меняется ничего.

– Он не мой, – фыркнула я, причём настороженно. – Я с ним в школе ещё рассталась.

– Зато какая любовь была! – мечтательно протянула Анька, и тут же не выдержала и рассмеялась. – Лида, он сейчас такой толстый стал! Видно, жена кормит хорошо.

– Он ещё и женат…

– Конечно. Все женаты, все замужем, одни мы с тобой, как в проруби болтаемся.

– Спасибо тебе, – язвительно отозвалась я. – Это как раз то, что я хотела сегодня услышать. В качестве моральной поддержки.

– Не дождёшься. У меня ещё рабочий день толком не начался, а я уже бутылку виски разбила.

Я сочувственно вздохнула.

– Вычтут?

– Ещё бы. Короче, никакой радости в жизни.

– У тебя хотя бы работа есть, – заметила я. – Машины вон

покупаешь.

– Совсем маленькую и совсем подержанную машинку. А что у тебя с работой?

– Отправила резюме. Жду.

– Ну, ну. Чувствую, ждать будешь долго.

Анька была права, ждать, сидя дома, можно было долго. Я разбирала чемодан, развешивала свои любимые платья и думала о том, где мне денег взять. Толковых мыслей приходило мало. По сути, их было две: заработать или украсть. Для серьёзного преступления у меня вряд ли хватит ума, смелости и сноровки, так что, придётся работать.

Ах да, забыла третий вариант! Выйти замуж.

Но претендентов нет как нет.

Грустно.

От этой самой грусти я надела самое любимое, самое брендовое платье из своего гардероба, и решила отправиться в центр города. Заходить в каждый, встречающийся мне на пути ресторан, в поисках работы, я не стану, но хотя бы осмотрюсь. А, по возможности, оставлю о себе хорошее впечатление.

Но день, кажется, не задался и решил преподносить мне один сюрприз за сюрпризом. Но, возможно, дело было не в самом дне, и он был совершенно обычным, просто я не предусмотрела того, что память станет настигать меня за каждым углом родного города. Для начала у подъезда меня встретила целая лавочка знакомых старушек, во главе

с Валентиной Ивановной. Вначале они все вместе на меня уставились, затем хором начали нахваливать меня и называть красавицей, а затем расспрашивать о делах семейных, о которых я говорить совершенно не желала. И, вообще, думать сегодня о том, насколько на меня зла мачеха, не хотелось. Знала, что мне предстоит это выяснить совсем скоро, и испытать на собственной шкуре. Обиды любимому сыночку Луиза мне долго-долго не простит, а, может быть, и никогда. И когда я осторожно попыталась отвертеться от назойливых вопросов, заявила, что жутко опаздываю, и направилась прочь от чужого любопытства, уверена, что соседки и меня не упустили возможности обсудить. Во всех подробностях.

Я торопилась скрыться от их взглядов, и торопилась настолько сильно, что, свернув за угол, едва не налетела на мужчину, который спокойно шагал по тротуару, собаку выгуливал. Пегий лабрадор кинул на меня настороженный взгляд, но, видимо, я ему не понравилась и не внушила опасений, потому что в следующую секунду он лениво отвернулся от меня. Наклонился, чтобы понюхать странного вида камень. А вот его хозяин, крупного телосложения парень, остановился и на меня уставился без всякого смущения. А затем и руками развёл.

– Лидка, вот так новости!

Я, уже собиравшаяся пробормотать извинения за свою торопливость и невнимательность, сосредоточилась на его ли-

це, и про себя чертыхнулась. И в ответ на столь явное радушие натужно улыбнулась и призналась:

– Не поверишь, Стёпа, вот только про тебя вспоминала.

Передо мной стоял Стёпа Морозов, моя первая школьная любовь. Мы с ним встречались половину десятого и весь одиннадцатый класс, и, кстати, за него я тоже собиралась замуж. Вполне серьёзно. Кажется, у меня это входит в привычку – собираться замуж, но так и не выходить. Сейчас о школьных годах и былых чувствах вспоминать было крайне странно, особенно, если передо мной стоял не Стёпка Морозов, парень, всерьёз увлекающийся баскетболом и игрой на гитаре, а весь из себя важный и повзрослевший, раздобревший, целый такой Степан. Анька оказалась права, моя первая любовь здорово набрала в весе. И выглядел Стёпка сытым и вальяжным, как кот Мейсон, который когда-то жил в их квартире.

– Не успела вернуться, а уже про меня вспоминала? Лида, не хочу тебя расстраивать, но я женат.

– Слышала. Не дождался меня, – решила я пошутить, но Стёпа воспринял мою шутку как-то не так, потому что зачем-то сделал ко мне шаг. Он меня разглядывал, и взор его затуманился, словно, перед ним миску со сметаной поставили. Я, на всякий случай, отступила. На тот же шаг. А бывшему сказала: – Не переходи в наступление так явно. Мы с Анькой разговаривали, и она мне про тебя сказала. Что ты собрался учить её машину водить.

Стёпка поскучнел.

– Я не собрался. Это она собралась. – Но про Аньку ему было не интересно. – А ты вспомнила о старых друзьях? Соскучилась?

Не рассказывать же бывшему о своих любовных неудачах, да? Поэтому я лишь улыбнулась, кокетливо пожала плечиком, а потом ткнула Стёпку в живот.

– А это что?

Он погладил себя по выступающему над ремнем джинсов пузику, погладил со всей любовью и бережностью.

– А это, Лидунь, семейная жизнь.

– Сытая и счастливая, надо полагать, – усмехнулась я.

Стёпка смешно фыркнул, и вновь окинул меня долгим взглядом. Задержал взгляд на груди, отчего мне захотелось закатить глаза.

– А ты классно выглядишь, – похвалил он.

– Спасибо, Стёпа. Мне, правда, приятно. Легче жить стало.

– Замуж не вышла в своём Питере?

– Нет. Решила, что все стоящие мужчины остались здесь.

– А вот это правильно.

– Смотришь так, будто замуж меня не пустишь.

Он засмеялся, довольно, заливисто, ему явно было, что мне ещё сказать, но Стёпа вдруг замолчал, а спустя секунду я заметила причину его резкой смены настроения. По тротуару к нам спешила молодая женщина с коляской. Она была

полновата, но смотрелась аккуратной пампушкой, и личико милое. Было бы, не омрачи её лицо серьёзное беспокойство при виде нас, мило беседующих с глазу на глаз. В коляске годовалый малыш, пухлощёкий и любопытный, и белобрысый, в общем, полная копия отца. Чем ближе они к нам подходили, тем серьёзнее оба становились. Я, на всякий случай, ещё на шаг от бывшей любви отступила, а девушке сделала попытку улыбнуться. Хотя, ей, судя по всему, на все мои улыбки было откровенно наплевать.

Да ещё Стёпка неуклюже залебезил:

– Галя, смотри, я одноклассницу свою встретил. Столько лет не виделись…

А Галин неумолимый взгляд, как назло, был на уровне моей груди и смелого выреза на платье, и мне стало жутко неудобно от этого. И я первой решила ретироваться.

– Ладно, пойду. – Кинула на Стёпку осторожный взгляд. – Аньке передам, чтобы на работу тебе позвонила, записалась.

– Конечно, конечно, – деловито покивал Стёпа, уже опасаясь смотреть в мою сторону. Вместо этого свистнул собаку.

Что делается, что делается. Шага не ступи, по своему же городу, по своему двору, в котором выросла, ходишь теперь, как по минному полю. Куда не ткни, все женаты и с детьми. А я, девушка незамужняя, угроза для всех окружающих мужиков. Так получается? А ведь если разобраться, меня пожалеть надо!

Когда я сестре рассказала о произошедшем, она смеялась

долго. Причём, смеялась громко и нахально, никак успокоиться не могла. А я слушала её смех с мрачным выражением на лице. Сидела в одном из ресторанов на набережной, пила чай (на большее денег не было), и жаловалась Аньке на жизнь. А она, в моих бесконечных трагедиях, находила для себя что-то весёлое. Обидно.

– Чем занимаешься? – спросила она, немного успокоившись. – Работу ищешь?

– Ага. Чай пью. Третью чашку, в третьем ресторане. Осматриваюсь.

– Толку осматриваться в третьесортных ресторанчиках? Я всё меню могу тебе пересказать, все, как под копирку.

– А что делать?

– Приезжай ко мне. Посмотришь, где я работаю.

– А сколько у вас чай стоит?

Анька похихикала.

– Для тебя бесплатно. Лида, хватит там сидеть и хандрить. Я про тебя с Петровичем поговорила. Хочет познакомиться.

Я в свою чашку заглянула. Нос почесала.

– Аня, с каким ещё Петровичем? Мне работа нужна, – страшным шёпотом проговорила я в трубку. – А не Петровичи.

– Дура. А я тебе про что? Петрович – наш управляющий. Оказывается, Светка Самохина, наш администратор, на повышение собралась, не рестораном будет заведовать, а самой гостиницей. Очень кстати, скажи? А я уж Петровичу тебя

расписала: умница, красавица, комсомолка! Он очень у нас комсомол уважает, а особенно комсомолок. Сказала, что ты в Питере работала в самых крутых ресторанах!

– Ань, ты сдурела?

– Слушай, тебе работа не нужна? – зарычала она на меня. – Расплачивайся за свой чай, и езжай ко мне. И в туалет сходить не забудь, а то будешь на стуле ёрзать, и всё испортишь!

Ресторан «Алмаз» занимал весь первый этаж гостиницы «Волжская». То есть, такое название она носила когда-то, когда я ещё жила в городе, взрослела, училась и никуда уезжать не собиралась. А сейчас гостиница носила гордое название «Волга Марриотт Отель». Пятиэтажное здание отремонтировали, фасад смотрелся поистине впечатляюще, с первого взгляда можно было решить, что старую гостиницу снесли, не оставив камня на камне, а на её месте построили новое здание, сверкающее, с большими окнами и уютными балкончиками. По краю, с пятого по первый этаж, сверкающие буквы, а внизу, над элегантным козырьком, название ресторана. Анька мне много рассказывала про работу, про проблемы и недостатки в том числе, но при этом никогда не забывала добавить, что в их заведении собираются самые солидные и приличные клиенты. А постояльцы сплошь иностранцы. Конечно, за такое место работы стоило побороться. И я собиралась это сделать. Правда, мой настрой несколько подпортил тот факт, что добираться до гостиницы мне пришлось

на автобусе. Но это была секретная информация.

Я пару минут постояла на другой стороне дороги, разглядывая гостиницу и огни, что словно отражались от её фасада. Приходила в себя после поездки на автобусе, мысленно настраивалась на разговор и продумывала свою линию поведения. Пришло же Аньке в голову приписать мне достижения, которых в моём послужном списке и нет! А вдруг меня попросят доказать? Трудовую книжку по-любому проверят.

Я сделала несколько глубоких вдохов, незаметным движением разгладила платье на животе, а затем уверенным шагом направилась к входу. У дверей охранник с наушником в ухе, он проводил меня взглядом, но не остановил. Правда, и дверь передо мной открыть не подумал. Это несколько подпортило впечатление от моего появления. Я вошла в холл, кстати, он совсем не был безлюден, на диванах сидели люди, рядом с некоторыми стояли чемоданы, люди выезжали и заселялись. Я мысленно представила цены за номер в этой гостинице, решила, что они весьма не маленькие, и тогда уже к людям на диванах пригляделась внимательнее. Пыталась понять, сколько из них иностранцев. Со стороны на самом деле услышала английскую речь.

– Вам чем-то помочь? Вы бронировали номер?

Ко мне обратился молодой человек в форменной ливрее, и я порадовалась, что тоже в состоянии произвести впечатление человека, что может позволить себе снять номер в этой гостинице, хотя бы на одну ночь. Гордо вздёрнула подборо-

док, улыбнулась.

– Мне нужен управляющий рестораном. Он меня ждёт…

Чёрт, а имя мне Анька не сказала. Не звать же мне незнакомого мужика, потенциального начальника, Петровичем?

– Николай Петрович? – подсказал мне молодой человек, и я поторопилась кивнуть. Главное, что Петрович, а дальше разберёмся. – Вы пройдите в ресторан. Там вам подскажут, где его найти.

Я поблагодарила и направилась в сторону двойных, распашных дверей, на которые мне указали. Надо сказать, что от внутреннего убранства, от вложенных в интерьер денег, я пребывала в приятном удивлении. И от этого ощущала лёгкий мандраж. Не верилось, что мне повезёт так запросто заполучить работу в подобном заведении. Не помню, чтобы мне удача с таким усердием когда-либо улыбалась. Если всё же повезёт, то можно порадоваться, для приличия, а после начинать ожидать от судьбы какого-нибудь подвоха.

Время было послеобеденное, большинство столиков ресторанного зала пустовало, в ресторане было спокойно и приятно. Играла тихая, ненавязчивая музыка, никто не суетился, а официанты расхаживали по залу степенно и вальяжно. И мне улыбнулись, как только я вошла.

– Вас проводить к столу?

– Нет, спасибо. Я ищу Николая Петровича, – пояснила я, и тут увидела Аньку за барной стойкой. Сестра выглядела непривычно серьёзной и собранной, с забранными в строгую

причёску волосами, в форменной жилетке и с кокетливым галстуком-бабочкой на шее. Анька меня увидела и махнула мне рукой. Официант потерял ко мне интерес, а я направилась в бар.

– Привет, – шепнула мне сестра, словно мы не разговаривали с ней по телефону за этот день раз пять. – Долго добиралась.

– На автобусе, – пожаловалась я. Оглядывалась с любопытством. – А здесь, на самом деле, неплохо, – вынесла я вердикт.

Анька же в ответ фыркнула.

– Неплохо! – передразнила она. – Ты знаешь, что я сделала, чтобы попасть сюда на работу? Хотя, лучше тебе не знать. – Она сделала страшные глаза и стала смотреть многозначительно. – Это было страшно. А тебе я всё приношу на блюдечке с золотой каёмочкой. Пользуйся моей добротой.

– Попользуюсь, если получится, – не стала я отнекиваться.

Анька поставила передо мной чашку, стала наливать горячий чай. Но затем строго спросила:

– Ты в туалет сходила?

Я кинула на неё раздосадованный взгляд.

– Отстань, а. Что я, маленькая?

– Я хочу, чтобы ты понимала всю серьёзность ситуации!..

– Он что, такой страшный, твой Петрович? Я могу оконфузиться, когда его увижу?

– Дура ты, Лидка. Право слово, дура. Но платье выбрала

правильное.

– Не для него старалась, это точно.

– Но ты титьками особо перед Петровичем не тряси. Он всё-таки, человек немолодой. Мало ли что.

– Что?

– Что-что, – разозлилась сестра. – Сведёшь мужика с ума, а у него жена, внуки, дача.

Я только головой качнула.

– Иногда мне кажется, что ты, когда говоришь, в собственные слова не вникаешь.

– Во всё я вникаю. Просто я дальновидная.

– То-то я смотрю, ты на все пуговицы застёгнута.

Анька поправила бабочку.

– Я должна быть мила и профессиональна. У нас свод правил поведения и обслуживания клиентов. Всё очень серьёзно, Лида.

Я вздохнула. От души и печально. После чего решила:

– Я тоже готова им следовать. Потому что очень скоро мне захочется кушать, а я последние сбережения на чай извела. Надеюсь, этот бесплатный?

– Я угощаю, – улыбнулась Анька. И тут же кивнула в сторону. – Петрович идёт. Улыбнись уже.

Прежде чем улыбаться ни за что незнакомому мужику, я повернула голову и на него посмотрела. Господи, теперь понятно, почему Анька так переживала за жизнь и здоровье Петровича. Он был настолько маленьким и кругленьким,

что когда я поднялась ему навстречу, он лбом едва не упёрся в мою грудь. Я подумала и поспешила снова опуститься на стул, так мы сравнялись с ним в росте, и управляющий смог посмотреть мне в лицо. А не туда, куда ему смотреть совсем не следовало. При всём при этом, взгляд у него был совсем не добродушный и приветливый. Он смотрел на меня въедливо и с прищуром, а мне подумалось о том, что Николай Петрович по поводу своего роста вряд ли комплексует. Так взглянул, что мне, взрослой тётке, не по себе стало. Странно, что ещё вокруг меня не обошёл, чтобы вид со всех сторон оценить. Но уверена, что как только я встану и повернусь к нему спиной, он это обязательно сделает.

Вспомнила, что мне нужно быть вежливой и приветливой, и растянула губы в улыбке.

– Здравствуйте. Меня зовут Лида.

– Николай Петрович. Аня сказала, что вы уже работали в ресторанном бизнесе.

– Э-э… – Вот это «э-э» не слишком удачное начало. Но этот маленький, лысеющий человечек с бледными щеками и глазками-щёлочками, производил неизгладимое впечатление и тем самым сбивал меня с толка. А я редко перед кем тушуюсь. – Да, я больше трёх лет работала в Питере, администратором в ресторанах.

– С иностранцами работали?

– Немного, – уклончиво ответила я, а Николай Петрович бросил выразительный взгляд через моё плечо на Аньку,

как бы спрашивая ту: и кого ты мне подсовываешь?

– Английский знаете?

Вот тут я живо кивнула.

– Знаю.

Петрович вытянул губы в трубочку, снова меня разглядывал, с претензией. И как бы я ни старалась спрятать, так сказать, ненужное, всё-таки опустил взгляд в декольте моего платья. На кой чёрт я его сегодня надела?

– У вас будет испытательный срок, – сказал он, в конце концов, выныривая из омута моей физиологии. – Две недели. Если не справитесь, уйдёте ни с чем.

Заманчивая перспектива. Я смотрела на него и молчала. И он молчал, и я поняла, что сейчас как раз тот момент, когда необходимо согласиться. Поэтому я кивнула.

– Если бы не нужно было принимать экстренных мер, поверьте, я никогда бы не взял в свой ресторан человека с улицы. Даже с питерской улицы. Но завтра заселяется большая группа англоязычных туристов, нашего администратора в срочном порядке перевели на работу в отеле, а мне не с кем работать. Ольга одна не справится, она не настолько опытна. Поэтому считайте, что вам сильно повезло. Завтра выходите на работу. – Он снова остановил взгляд на моей груди, сбился на секунду, а затем повернулся к Ане. – Объясни нашему новому работнику положение о дресс-коде.

Анька с готовностью кивнула, она сияла, непонятно почему, выслушивая строгие и не слишком справедливые речи

начальника. А я аккуратно напомнила:

– Меня зовут Лида.

Николай Петрович взглянул на меня напоследок, повёл короткой ручкой.

– Мне пока всё равно.

Что ж, не смотря на то, что Петрович почти карлик, он явно чувствует себя Атлантом. Завидую.

Я посмотрела своему отчаянному и нечаянному начальнику вслед, в задумчивости, после чего обернулась к сестре. Кивнула той.

– А что это было?

– Петрович, – с благоговением выдохнула Анька. С усиленным рвением продолжила натирать хрустальные стаканы, улыбалась очень странно. Я наклонилась через стойку, шёпотом поинтересовалась:

– У вас здесь секта? Вы на него молитесь?

Анька моргнула, потом замахнулась на меня полотенцем. И сообщила в очередной раз:

– Дура ты. Он великий человек! С ним мэр за руку здоровается!

Я, ради приличия, решила впечатлиться.

– Здорово. Буду знать.

Через полчаса я получила униформу. Было грустно. Белая блузка, похожая на мужскую рубашку, даже с погончиками, и чёрная юбка-карандаш. Волосы должны быть убраны наверх, макияж неброский, украшения не приветствуются.

И это для администратора ресторана, который должен встречать гостей и выглядеть обворожительно. Чтобы людям захотелось вернуться, вновь посетить этот ресторан…

– Они и так вернутся, – сказала мне Анька, – и точно не к тебе. Тебе не нужно их покорять и заманивать. Просто вежливо улыбайся. Видишь, как всё просто?

– Да уж, – проворчала я, приложив к себе блузку и разглядывая своё отражение в зеркале.

– Это самый популярный ресторан города. И владельцы не хотят, чтобы он славился официантками. Делают упор на кухню и обслуживание. Нас с тобой им запоминать ни к чему. Пусть лучше помнят фрикассе и коктейль.

– Я сама себя чувствую отбивной.

Анька упёрла руку в бок, глянула воинственно.

– Что ты жалуешься? Я тебе такую работу нашла! Спасибо бы сказала!

– Спасибо, – совершенно искренне проговорила я. – Просто мне нужно привыкнуть.

– Вот и привыкай. Времени мало. Тебе нужно показать себя за эти две недели.

– Как я могу показать себя в этом? – Я показала ей блузку. – Это ужасно.

– Если за две недели на тебя никто не пожалуется, и гости будут довольны, считай, что ты справилась.

Я к сестре присмотрелась.

– И всё-таки ты странная. За пределами этого ресторана,

я никогда не слышала от тебя таких правильных речей.

– Когда получишь первую зарплату и часть чаевых, то тоже так заговоришь.

Я снова посмотрела на себя в зеркало, снова приложила к себе белую блузку.

– Надеюсь. Проникнусь вашей религией.

Мне даже разделить хорошую новость было не с кем. Анька была инициатором перемены, и наверняка уже успела позвонить матери и похвастаться тем, какая она молодец, а всем остальным было неинтересно. Выйдя из гостиницы, я всё оглядывалась на респектабельное здание, видела, как к входу подъезжают такси и частные автомобили, из них выходят люди и смело ступают под огни современного отеля. А я наблюдала и приучала себя к мысли, что я теперь здесь работаю. По крайней мере, следующие две недели. Мне даже бейдж успели выдать, и на нём значилось моё имя. Я достала кусок пластика из сумки и разглядывала его некоторое время. «Волга Марриотт Отель», администратор зала-ресторана «Алмаз». Петрович строго-настрого приказал соответствовать занимаемой должности, морально и профессионально.

На следующий день, когда я, как и было велено, к полудню явилась на новую работу, Николай Петрович встретил меня лично. И о своих требованиях не забыл напомнить. У него был целый список того, что я должна. Встречать гостей, улыбаться, провожать к столику, интересоваться, всё ли их устраивает и достаточно ли усердно их обли-

зывают. Но при этом ещё длиннее был список того, чего я делать ни в коем случае не должна: заглядывать в глаза, кокетничать, болтать на рабочем месте, покидать зал надолго, присаживаться за столик, даже если меня будут об этом просить. Не краситься ярко, ходить строго в униформе, никаких платьев и даже туфли на мне не должны быть вызывающего вида. Мне так и хотелось спросить Петровича про нижнее бельё, но я вовремя вспомнила про его внуков и дачу. А ещё про зарплату, в которой я остро нуждалась. А Петрович, словно, прочтя мои строптивые мысли, глянул хмуро и спросил:

– Всё поняла?

Я кивнула.

– Поняла.

– С посетителями не флиртовать.

– А были случаи?

– Слишком много вопросов задаёшь. Иди, изучай фронт работы.

И я из его кабинета отправилась в ресторан. Надо сказать, что коллектив подобрался пёстрый. Интереснее всего было на кухне. У плиты заправлял тучный мужчина лет пятидесяти по имени Жора. Высокий, огромный, на шее яркий платок, а в ухе серьга, похожая на цыганскую. Я, как только его увидела, сразу представила, как они с Петровичем смотрятся. Комично. Но, несмотря на некоторую комичность, ресторан успешно функционировал, кухня работала, официанты

не застаивались, а столики на вечер бронировались за две недели вперёд. А это хороший показатель. Если даже в будние дни посетителей более чем достаточно. И это не считая проживающих в гостинице туристов, для которых был отведён отдельный зал. Вот соседним залом и занималась Оля, о которой Петрович упоминал при первой нашей с ним встрече. Плановые завтраки и обеды со «шведским столом», ужины под лёгкую музыку и закуски. Оля, миловидная брюнетка двадцати пяти лет, была выпускницей факультета иностранных языков, и с лёгкостью общалась на английском, французском и китайском. Как мне по секрету сказала Анька, за китайский Ольгу и ценили. И многое прощали, хотя, девицей та слыла не слишком ответственной и щепетильной, и Петровичу уже не раз приходилось решать проблемы, возникшие по её вине. Я даже задумалась, не выучить ли мне китайский. По родному городу чувствую, что пригодится.

– А что за проблемы? – лёгким тоном поинтересовалась я. И тут же сделала честные глаза. – Чтобы знать и самой не вляпаться.

Альбина, старшая официантка в эту смену, выразительно поджала губы, помолчала, после чего шепнула мне:

– Любовные.

Всё-таки поведение сотрудников было странное. Они все будто жили в уверенности, что Петрович всё видит, слышит и знает. И скрыть от него ничего не получится. И поэтому, стоило выйти за пределы курилки, все начинали озираться

и перешёптываться.

– С посетителями флиртовала? – уточнила я.

– Дофлиртовалась уже. Американец к нам один ездил, всё за руки Ольгу хватал. Она уже в Америку жить намылилась, а он аферистом оказался, и даже не американцем. Чуть с работы не вылетела. Петрович ей последний шанс дал.

– Добрый он, – согласилась я прежде, чем Альбина успела озвучить эту мысль.

Но у меня тоже была возможность встретиться с настоящим американцем, в мой зал тоже, как оказалось, захаживали иностранные гости. Причём, не обычные туристы, а бизнесмены и люди при деньгах. Уже через несколько часов я собрала достаточно информации для того, чтобы сделать вывод: работать будет непросто, и нужно всегда держать ухо востро. И улыбаться, широко и профессионально. Альбина с Анькой на пару мне такой список завсегдатаев выдали, что я поняла: лучше этих людей не огорчать. Имена некоторых назывались шёпотом, и это были совсем не отцы города, по крайней мере, очевидные и на зарплате. А девчонки ещё стрекотали про жён и любовниц. И обещали всех показать в лицо, чтобы я, не дай Бог, не перепутала. Потому что, если из-за меня кто-то из важных людей разведётся, по случайности, мне в этом городе точно жизни не будет.

Неудивительно, что зарплаты в «Алмазе» были приличные. По ходу, серьёзно доплачивали за молчание.

Да уж, подогнала мне сестрёнка работу, стой и изображай

из себя вежливую мумию.

В первый вечер рядом со мной без конца крутился Петрович. Маленький, бодрый, он внимательно наблюдал за тем, как я встречаю гостей, как я им улыбаюсь, и прислушивался к тому, что я говорю. В принципе, всё было, как обычно. Поприветствовать, проводить к столику, ответить на возникшие вопросы. Но меня настолько запугали списком вип-персон, что я только и делала, что к людям приглядывалась. Старалась понять, кто передо мной. Я много лет в городе не жила, не знала ни политической, ни светской жизни. И в лицо, даже медийных персон не узнавала. Но, судя по тому, что Петрович то и дело подходил ко мне и нашёптывал:

– Банкир, Жилин Семён Семёнович. Журналист, Златов Павел. Владелец заводов, газет, пароходов такой-то, – «Алмаз», на самом деле, являлся излюбленным местом для встреч и поздних ужинов в кругу знакомых.

Я, честно, пыталась всех запомнить. Но понимала, что на это требуется время. К тому же, Петрович меня нервировал, чуть что, сразу напоминал, что я на испытательном сроке, и что подписала согласие на неразглашение личной информации. А ресторан и его владельцы личной информацией могли посчитать всё, что им вздумается. Это всё было бы смешно, если бы не было так опасно и трудно. В моменты затишья я наблюдала за происходящим в зале, за официантами и барменами, и раздумывала о том, как они справляются. Их дурацкие контракты, судя по всему, не волновали. Анька

вон светилась, выполняя заказ каждого клиента. За что получала хорошие чаевые.

– Мне вот даже интересно, – задумалась я после нескольких дней работы и раздумий, – что такого секретного мы не должны разглашать? Ничего же не происходит.

Мы с Анькой валялись на моём диване, вытянув гудящие после рабочего дня ноги, потягивали красное вино из стареньких, хрустальных бокалов, которые также достались мне в наследство от бабушки, раз продолжали стоять в её старенькой стенке. За окном три часа ночи, на горизонте проклёвывались первые предрассветные сумерки, а мы только недавно вернулись со своей опасной, суперсекретной работы. И меня потянуло поговорить.

– Люди ужинают, разговаривают, уходят домой, – продолжала развивать я свою мысль. – Никто даже не танцует. Сплошное бла-бла-бла.

– Вот об этом нам и нельзя болтать. Вдруг услышишь что-то не то.

– Как они бабки делят?

– Хотя бы. – Анька голову повернула, посмотрела на меня. С подозрительным прищуром. – Ты что-то слышала?

– С ума сошла? Петрович надо мной, как коршун вьётся!

– Проверяет тебя.

Я вздохнула, глотнула вина.

– Это же не просто ресторан, – сказала сестра после короткой паузы. – Это гостиница, там куча всего происходит.

Я заинтересовалась.

– Что за куча?

– А ты не соображаешь? – Анька даже постучала кулаком мне по лбу. – В гостинице можно снять номер, изменить жене… Или ещё что-нибудь.

– Это скучно.

– А тебе что нужно? Пять этажей криминала? Лидка, не выдумывай нам проблем. Я хочу там работать.

– И я хочу.

– Вот и работай. Не подсматривай, и не подслушивай. Хрен с ними, с этими богатыми. Пусть спят, с кем хотят.

Я засмеялась, потом кинула на Аньку любопытный взгляд.

– А ты там ни с кем не познакомилась?

– Сдурела? – Анька глянула выразительно. – Да они нас не замечают. Мы для них обслуживающий персонал. И знаешь, пусть так остаётся. Или, думаешь, случаев не было? Вот только со счастливым концом из сказки «Золушка», ни одного. Ольга – последняя жертва. Но она, конечно, совсем дура. Связалась даже не с мажором, а с аферистом. Но, правда, он по-английски так лопотал, что не отличишь. Я вот тоже поверила, не раз его в баре обслуживала. Правда, в главном зале он никогда не ужинал. Видно, финансы не позволяли. – Она ухмыльнулась, одним глотком допила вино, поставила бокал на пол, и повернулась ко мне спиной, устраиваясь поудобнее. Подложила под щёку ладонь и тут же закрыла гла-

за. – Давай спать. Завтра последняя смена, и выходные!

Я тоже отставила бокал, выключила ночник над головой, и вздохнула в темноте. Врать себе дальше было невозможно: в душе поселилось томление. Ожидание чего-то грядущего. И я с нетерпением ждала развязки.

Знаете это чувство, когда понимаешь, что в твоей жизни давно ничего не происходит, а потом вдруг появляется необоснованное волнение, ожидание, и ты начинаешь ждать перемен. К лучшему они будут, или к худшему, тебе неведомо, но ты знаешь, чувствуешь, что скоро всё изменится. Вот только с Мишкой почему-то не сработало, и я до последнего момента не подозревала, что этот свинтус задумал. Я собиралась замуж, а оказалась на улице с чемоданом. А тут вдруг предчувствие, на ровном месте! Может, мне просто скучно?

Но что-то во мне изменилось, и изменилось видимо, потому что на следующий день Петрович ко мне приглядывался довольно долго, после чего строго поинтересовался:

– Что с тобой?

– А что со мной? – Я взволнованно вскинула руку, проверила, застёгнута ли блузка на груди, даже глаза опустила, но с первого взгляда всё было в порядке. Чисто, застёгнуто и прилично. А начальник пояснил:

– У тебя что-то с глазами.

Час от часу не легче. Я повернулась к зеркалу. Глаза, как глаза. Зелёные. Я обернулась к Петровичу и посмотрела на него с непониманием.

– Всё со мной так!

А он неопределённо махнул рукой, всё ещё хмурился, разглядывая меня.

– Взгляд какой-то мечтательный.

– Николай Петрович, – раздосадовано начала я, но он рукой взмахнул, останавливая меня.

– Не тарахти, Лидия. А из глаз это убери. Ты глазами на работу должна смотреть, а не в себя. Мечтать будешь после работы.

– Ни о чём я не мечтаю, – обиженно проговорила я. – Но что плохого, если у девушки улучшилось настроение?

– Ничего, – согласился начальник. – Вот только ты не девушка. Ты администратор. – Он даже коротким пальцем ткнул в стойку ресепшена, за которой я стояла. – Твой взор должен быть ясен и чист.

– И неподкупен, – добавила я негромко. Но он услышал, как издёвку не воспринял, и с готовностью кивнул.

– И неподкупен, – повторил он вслед за мной. – Хорошо, что ты это понимаешь. – Постучал пальцем по стойке. – Замечу, вылетишь с работы.

– Николай Перович, а может, вы меня на эту самую работу уже возьмёте? Официально? А то я волнуюсь.

– За что ты волнуешься?

– За себя. За ресторан. И за вас тоже. Мне так тут понравилось, я уже душой прикипела, – я приложила открытую ладонь к груди и взглянула со всей честностью. А вот Нико-

лай Петрович головой качнул, видимо, не проникся.

– Цветы в вазе у входа проверь. А то от безделья закипишь. – Сказал это, и направился прочь. Я Петровичу вслед смотрела, на стойку облокотилась, и пыталась представить его жену. Неужели этот маленький человечек и ею дома так командует? Я бы с ума сошла.

Время приблизилось к обеду, начали подъезжать гости, но днём в ресторане было не столь оживлённо, как вечером. И особо делать мне было нечего. Поэтому я решила исполнить распоряжение начальства, подошла к распашным дверям, и для начала с интересом выглянула в холл гостиницы. Там было куда многолюднее, даже гул стоял, от людских голосов и работающих телевизоров в диванной зоне. Но ничего интересного не происходило. Люди, как обычно, приезжали и уезжали. И я повернулась к цветам. Поправила розы, оторвала увядший листик, заглянула в вазу, проверила достаточно ли воды. А когда сделала шаг назад, налетела на кого-то. Испугано обернулась, и оказалась лицом к лицу с мужчиной. Он смотрел на меня с лёгкой усмешкой, руки с моей талии поспешил убрать, потом улыбнулся. И добавил дурацкое:

– Пардон, барышня.

Я глупо кивнула. Пробормотала:

– Ничего.

Он прошёл мимо меня в ресторан, а я продолжала стоять и смотреть ему вслед, совершенно позабыв о том, что за по-

рогом ресторана именно я обязана его встретить, пленительно улыбнуться и проводить к свободному столику.

А внутри у меня, наверное, как раз в душе, если для неё отведено специальное место, что-то треснуло. Будто стекло. Несколько дней жило ожидание, волнение, незнакомый трепет, а потом стекло треснуло, от одного вида особи мужского пола, и теперь весь этот коктейль растекался внутри горячей лавой, заполняя каждый свободный уголочек. Меня кинуло в жар, загорелись щёки, уши, и всё, что я могла, это глупо моргать и мысленно гадать, что же такое внезапно приключилось.

В чувство меня привёл окрик Петровича. Который подоспел к стойке администратора, встречать гостя, а сам искал меня взглядом. А когда нашёл, якобы позвал, а на самом деле рыкнул:

– Лидия!

Я очнулась, и поспешила на его зов. Сердце моё оглушительно стучало. Причём, не в груди, а где-то в районе желудка, и отдавалось в ушах. Я с трудом слышала слова и незнакомый голос. А взгляд мой сам по себе избегал подниматься к лицу незнакомца. Понятия не имею, что такое со мной творится, но это неприятно. Хотя, до чёртиков волнительно.

– Петрович, Пономарёв уже приехал?

– Нет, Давид, не приехал. Хотя, звонил, звонил. Лида, Виктор Иванович звонил?

Я бестолково листала книгу заказов. Но кивала.

– Звонил.

– Значит, я его подожду. – Мужчина кинул на меня любопытный взгляд. Наверное, его внимание привлекли мои горящие щёки. А я, практически ничего не видя перед собой от волнения, вздёрнула подбородок повыше и заученно улыбнулась.

– Добро пожаловать в наш ресторан.

Мужчина весело хмыкнул, всё ещё разглядывал меня.

– Спасибо. – От меня отвернулся, а у Петровича, совершенно меня не стесняясь, спросил: – Новое приобретение?

Мой начальник бессильно развёл короткими ручками.

– Что поделать, Давид. Свету забрали в гостиницу. Лизавета в декрет ушла.

– Серьёзно? – ухнул посетитель. – Как у вас всё интересно. А меня всего месяц не было.

– Как поездка?

– Замечательно. Дед результатами доволен.

Всё это я уже слышала с расстояния, про меня больше никто не вспомнил, и к столику гостя повёл сам Николай Петрович. А я позволила себе ненадолго зажмуриться.

Бывает же такое. Наваждение.

3 ГЛАВА

На следующий день у нас с Анькой был выходной. После недели, проведённой в стенах ресторана, это казалось странным, оказаться на воле, предоставленной самой себе. Правда, мы этот день решили провести не совсем на воле, решили почтить память родственников и отправились на городское кладбище. Купили цветов, для мамы я купила букет разноцветных живых хризантем, и направились на могилки. Анька болтала без умолку, и совсем не про вечное и печальное. Снова прицепилась к Полинке и к её папику. Где-то ей повезло с ними встретиться вчера вечером, видимо, по пути с работы домой. И теперь разговоров и возмущения ей должно было хватить на весь день. Она даже не замечала, что я больше молчу, лишь киваю в ответ и иногда поддакиваю. Аня сгребала облетевшие листья в кучку, и трещала про то, какая Полинка циничная и продуманная особа, раз согласна с пожилым мужиком, за деньги…

Я же присела на скамеечку, смотрела на фотографию мамы на памятнике и вздыхала. Затем поднялась и фотографию протёрла. Голову склонила на бок, так можно было подумать, что мама мне улыбается. Именно мне.

Не заметила, что сестра остановилась, наблюдает за мной. Потом она негромко и осторожно спросила:

– Грустишь?

– Конечно, грущу, – созналась я. – Всегда буду грустить.

Анька подошла и в порыве чувств обняла меня со спины. Вот за это я сестру и люблю. Она может казаться резкой, несдержанной, может кричать и ругаться, но вот в такие моменты, важные и трудные, никогда не оставит. Подойдёт и обнимет, и останется рядом.

Я запретила себе плакать, но глаза всё-таки вытерла, затем сделала глубокий вдох, сбрасывая с себя печаль. Сказала:

– Всё хорошо. – И переспросила: – Так что ты говоришь?

Анька махнула пыльной тряпкой.

– Да я про Полинку, – пробормотала она. – Это не важно.

– Почему это не важно? Она нам родня. Хоть, и названная.

– Я бы сказала: не званная. Но, знаешь, она ведь за этого папика замуж собирается. Я тебе точно говорю.

– Может, она его любит?

Анька голову подняла, посмотрела на меня, после чего выдала сокрушительное:

– Ага, любит! Устроиться она поудобнее хочет.

Я пожала плечами.

– Имеет право. Ей с ним жить, и ей с ним спать. Пусть поступает, как хочет.

– Это, конечно, но всё равно несправедливо.

– Это чем?

– Лида, она ни дня в своей жизни не работала. Только и мечтает о том, чтобы поудобнее устроиться. И побогаче. Разве мы с тобой такие?

– А предложи тебе олигарх замуж, – усмехнулась я, – ты бы тоже о любви рассуждала?

– Олигарх? Где их взять, олигархов? Ты хоть одного вживую видела?

– Нет.

– Вот именно. А ты в Питере жила!

– Ань, я на метро ездила. А олигархи в метро не спускаются.

– Спускаются, я читала. Некоторые специально за женой.

– Сказки ты читала, – отмахнулась я.

Анька отвернулась от меня, походила вокруг, высматривая, что бы ещё сделать полезного. После чего вдруг вздохнула. А Анька вздыхала редко, это была моя дурацкая привычка, а не её.

– А так иногда хочется, – сказала она.

Я через плечо обернулась. Насторожилась от её мечтательного тона.

– Чего?

– Любви. – Сестра ко мне обернулась. – Знаешь, такой, как в кино или в романе. Чтобы не спать, не есть…

– Мозгами не пользоваться, – подсказала я.

– Лид, а ты когда-нибудь так влюблялась? – Сестра смотрела с любопытством, потом вдруг указала на фотографию моей мамы. – Скажи, как на духу. Признайся.

– Да в чём признаваться? – удивилась я. – Чтобы не спать, не есть? Не помню такого.

– А Мишка? Замуж же хотела.

– Ну, хотела. И ты за Витьку своего хотела, и даже вышла. Тоже не спала, не ела?

– Ага, – кисло отозвалась Анька. – На десять килограмм с этим обалдуем поправилась, не помнишь что ли?

– Да я то помню.

– А так хочется, чтобы раз и всё, – она щёлкнула пальцами почти перед моим лицом. А я вдруг вспомнила, что этой ночью как раз-таки спала плохо. И странно подумать из-за кого. Из-за мужика, которого видела первый раз в жизни.

– Кстати, о мужиках, – не удержалась я. – Расскажи, из-за кого мне вчера Петрович взбучку устроил? Выговаривал потом минут десять, словно, я президента проворонила.

– А кого ты проворонила?

Я прикинулась задумчивой, хотя, отлично помнила и имя, и как выглядит.

– Кажется, он называл его Давидом.

– А, Давид. – Анька лицом просияла. – Да, Давид вчера вернулся, видела его в зале. Его несколько недель не было, даже скучно. Он хоть улыбнётся, «привет» скажет, не то что некоторые. Снобы.

– Кто он такой?

– Давид Кравец. Его дед антиквар, говорят, богат, как Кощей Бессмертный. Но об этом никто ничего достоверно не знает, потому что он из дома не выходит много лет. Кажется, это какая-то болезнь.

– Агорафобия, – подсказала я негромко.

– Вот, точно, она! Представляешь, сидеть в четырёх стенах годами? Бр-р. Но при этом он отлично управляет семейным бизнесом, у них династия. Их главный магазин находится в исторической части города, можно сказать, под стенами Кремля. И деду Давида ещё от его деда достался. По крайней мере, так говорят. Может, врут. – Анька равнодушно пожала плечами.

– А внук, значит, на дедушкином содержании?

– Давид? – Анька, кажется, удивилась моему высказыванию. – Нет, он у деда правая рука. Тот в доме сидит, под охраной, со всеми своими цацками и сокровищами, а Давид по городам и весям разъезжает, и даже по заграницам. Вот сейчас, говорят, где-то в Европе был. – Сестра снова вздохнула, и это уже начинало тревожить. – У некоторых жизнь интересная.

– Да уж.

– А ты чего заинтересовалась им? Понравился?

У меня вдруг в горле запершило, я даже кашлянула. А на Аньку посмотрела ошалевшими глазами.

– Ты что? Я его и видела-то мельком, со спины!

– Но впечатление произвёл, да? – Анька толкнула меня локтем. Затем примирительно сказала: – Он на всех баб впечатление производит, раз и навсегда. И на меня тоже. Я его как увидела, так думала, у меня рот от удивления никогда не закроется. Хорош, чертяка.

– Хорош, – согласилась я негромко, и, к своему неудовольствию, увидела перед своим внутренним взором Давида Кравеца, как живого. Высокого, смуглого, коротко стриженного. Волевой подбородок, размах в плечах, а глаза ясного голубого цвета. И смотрит с намёком и обещанием. Анька права, любая женщина на этот взгляд поведётся без всяких оснований. Я прекрасно помнила, что мне после первой его улыбки, причём ничего не значащей, захотелось бухнуться ему в ноги, глупо задрать голову, и смотреть, смотреть на него. Но, всё же, есть чему порадоваться. Не я одна такая. Значит, это первое впечатление наверняка можно пережить.

Уверена, что при нашей следующей встрече, я уже не стану так реагировать. Уже буду готова и к взглядам, и к обезоруживающим улыбкам. Он, уверена, всем так улыбается – и официанткам, и стюардессам, и домработницам.

Интересно, каково это – работать в его доме домработницей? Для этого, наверное, надо быть полуслепой престарелой тёткой, иначе через неделю окажешься в психушке с переизбытком феромонов в организме.

Никак он у меня из головы не шёл. Вернувшись в город, я отказалась от приглашения сестры поехать обедать к ним. Вместо этого я приехала к себе, переоделась и решила прогуляться по городу, благо погода радовала. И деньги были, хоть и немного. Петрович, несмотря на свои угрозы оставить меня на две испытательные недели без копейки, ещё позавчера выдал мне небольшой аванс. Хорошо, что позавчера, а то

после вчерашнего он вряд ли бы задумался о моей непростой доле. Из-за любимого посетителя он на меня разозлился не на шутку. Я весь оставшийся вечер мило и старательно улыбалась всем, входящим в двери ресторана, пытаясь заслужить прощение у начальства.

Но, конечно, я себе врала. Примерно час врала. Приехала в старую часть города, гуляла по набережной, даже мороженое съела. Дошла до стен Кремля и пошла вдоль них. Говорила себе, что гуляю. Вспоминаю великую историю родного города, исследую новшества и преобразования, а сама стреляла глазами по сторонам, в надежде увидеть вывеску «Антиквариат» или что-то в этом роде. Вот только сама не понимала, для чего мне всё это нужно. Я не искала встречи с этим самым Давидом, мне просто было любопытно. А встречи с ним я откровенно побаивалась, вспоминая вчерашнюю реакцию своего сознания, точнее, полное его отсутствие на какой-то период времени. Я не могла припомнить за собой подобного поведения, и повторения не хотела. Но история, рассказанная мне сестрой, интриговала. Дед-агорафоб, несметные богатства, клады и драгоценности. Кто бы ни заинтересовался, правда?

Магазин я нашла. В начале туристической пешеходной зоны, на самом видном месте, на углу старинной улочки. Затемнённые витрины, искусно выкованные ограждения и витые решётки, и название «Антиквар» над ними. Магазинчик небольшой, но раньше подобные лавки, торгующие юве-

лирными изделиями и антикварными вещицами, большими и не были. В целях безопасности. Я остановилась перед витриной, рассматривала граммофон и огромное зеркало в тяжёлой раме, выставленные на продажу, и далеко не сразу осмелилась толкнуть дверь и войти внутрь. Люди спешили мимо, будто не замечая вывеску и витрину, и никто даже головы не поворачивал в эту сторону. И у меня складывалось впечатление, что никто кроме меня не видит этой двери. Казалось, войду и окажусь в другой реальности.

Дверь была дубовая, тяжёлая, но совсем не старинная, хотя, мастера очень постарались придать ей солидный, потёртый вид. Я её толкнула, над головой звякнул колокольчик, и я перешагнула порог. Дверь беззвучно прикрылась за моей спиной, и я оказалась в полумраке и удивительной тишине. Суетливая улица перестала существовать. А вокруг мебель, картины, сервизы и всякие безделушки. Я шла осторожно, боясь задеть какой-нибудь столик или буфет. Не дай Бог, с него всё повалится, я никогда не расплачусь.

В узкой витрине за стеклом манекен в пышном платье с оборками. Атласное, бледно-золотистое платье, с открытыми плечами и немыслимым декольте. А к руке манекена прикреплён кружевной зонтик. Правда, кружево потускнело, кое-где помялось и в целом выглядело невоодушевляюще. Для покупки. Но с платьем смотрелось интересно.

– Вам бы пошло, – сказал кто-то за моей спиной, и я испуганно обернулась. Увидела за комодом мужчину. Худого,

с всклокоченными кудрявыми волосами и в очках. На впалой груди надета атласная жилетка, а из узкого карманчика на ней свисала цепочка от карманных часов, по виду, золотая.

Первой мыслью было, что это дед Давида. Ходит, как привидение по магазину, раз не может выйти на улицу. Но присмотревшись к мужчине в полумраке, я поняла, что он слишком молод для того, чтобы быть дедом такого взрослого внука. Скорее всего, продавец.

Вспомнила, что он ко мне обратился, изобразила улыбку в ответ.

– Оно, правда, старинное?

– Середина девятнадцатого века. Отлично сохранилось, ни один шовчик не разошёлся. Вы интересуетесь?

Я на платье оглянулась.

– Интересуюсь, – промямлила я. Попыталась представить, сколько стоит платье, которое я смогу надевать лишь глубокой ночью, чтобы окружающие не решили, что я спятила, раз изображаю кентервильское привидение в блочной пятиэтажке. – Но только в качестве интереса. Скорее, любопытствую.

Мужчина мягко улыбнулся.

– Это тоже хорошее дело.

– Я никогда не видела такое старое… то есть, антикварное платье. Вы его тоже продаёте?

– В этом магазине продаётся всё.

Я сделала несколько шагов, разглядывала вещи, принюхивалась, но пылью или чем-то неприятным, лежалым и застоявшимся, не пахло. А у стены увидела хорошо освещённый прилавок и подошла ближе. Под стеклом лежали иконы, кресты на цепочках и украшения. Конечно, ничего драгоценного или дорогого, это сразу становилось понятно, даже мне, которая ничего в каратах и огранке не смыслила.

– Вас интересует что-то определённое? У нас есть кольца и браслеты. А ещё броши. Когда-то броши были непременным атрибутом любого наряда. Барышни вашего возраста обожали подобные украшения.

Я улыбнулась. Мужчина так мило изъяснялся, под стать всему этому магазину и вещам, которыми торговал.

– Барышни моего возраста?

– Юные особы. Знаете, ведь брошью, как и заколкой для волос, можно было сказать многое. Даже показать, что дама готова к любовной игре.

Я сжала губы, чтобы не рассмеяться.

– Как мило.

Мужчина вдруг нырнул под прилавок.

– Покажу вам пару занимательных вещичек. – Он появился перед моими глазами с бархатным подносом, откинул край покрывала, и я увидела переливающиеся разными цветами украшения. Заколки, брошки, булавки. Выглядело всё очень мило. Никаких тебе жуков-скаробеев, помню, у бабушки была такая брошка, и она ею очень гордилась. А тут

хрупкий букетик фиалок, роза с капелькой росы на лепестке, бабочка, усыпанная самоцветами. Я, на самом деле, засмотрелась.

– Какая красота, – проговорила я, осторожно прикасаясь к украшениям.

– Сейчас такого не встретишь, – с сожалением проговорил продавец. Коснулся пальцем бабочки. – Этой броши сто пятьдесят лет. Представьте только, её носила дочка купца или чиновника. А, возможно, она приехала к нам из столиц, и видела столько всего интересного. Балы, тайные свидания, мимолётные прикосновения и жаркие клятвы.

Я подняла на мужчину глаза.

– Вам бы романы писать.

Он улыбнулся. И вдруг протянул мне руку:

– Меня зовут Рудольф Маркович.

Руку я пожала. Представилась в ответ:

– Лида.

– Очень приятно. Всегда приятно знакомиться с милой, красивой барышней.

Я снова вернулась к украшениям.

– Они, наверное, жутко дорогие?

Рудольф Маркович выдал томительный вздох.

– Не дешёвые. Но, в то же время, это не драгоценные камни, как мы сейчас говорим, бижутерия.

Я погладила цветы фиалки. Брошь была нереальной красоты.

– А вот эта сколько стоит?

Рудольф Маркович озвучил мне цену, я поначалу хотела тут же руку отдёрнуть, а потом… потом подумала, что у меня никогда не было броши. А вдруг мне пойдёт? А сумма, конечно, превысила мои ожидания, и составляла почти всё, что у меня было отложено на самый чёрный день, но я не могла отвести глаз от искусно сделанных цветов фиалки, это тоже следовало учесть.

И в какой-то момент, в один-единственный, я решилась. Кивнула головой и выдохнула:

– Беру.

Зачем я разыскивала этот магазин, зачем зашла внутрь и на кой чёрт мне брошка, которую носила какая-нибудь купчиха, я не знала. Но когда Рудольф Маркович упаковывал мою драгоценную покупку в коробочку и перевязывал атласной ленточкой, я чувствовала настоящий восторг. А в руки приняла, как настоящее сокровище, нежданно перепавшее мне наследство.

– Вы сделали отличный выбор. Брошь обязательно принесёт вам удачу, Лида. Я знаю. Она особенная.

Я расцвела в улыбке.

– Спасибо, Рудольф Маркович. Я непременно зайду к вам ещё! – пообещала я в пылу восторга.

– Конечно, конечно. Будем рады.

Я так и несла коробочку на вытянутой руке, пока шла до двери. А когда оказалась на улице, меня ослепило солн-

це, оглушил шум города, звуки машин, голоса туристов и зазывал. Я тут же припрятала свою покупку в сумку и, наконец, закрыла за собой дверь волшебного магазина. Магазин, на самом деле, показался мне волшебным. И почему я раньше обходила подобные места стороной? Мне казалось, что в антикварных магазинах продают никому ненужное барахло, и там пахнет пылью. А выяснилось, что там огромное количество необычных, интересных вещиц. Правда, дорогих. Но это настолько любопытно!

– Сколько она стоит? – Анька выпучила на меня глаза.

Признаться, к началу следующего дня мой восторг от покупки несколько поутих, и я уже больше думала о потраченных деньгах, и поэтому сестра своим непониманием подобных трат, взяла меня за живое.

– Перестань лупить на меня глаза, – попросила я её. – Она мне понравилась. Посмотри, разве не чудо? – Я повернулась к зеркалу, посмотрела на своё отражение. Брошь на белой, форменной блузке смотрелась замечательно. Оживляла и освежала мой строгий образ.

Анька лишь головой качнула, и всё ещё хмурилась. И тогда я добавила:

– И считать мои деньги перестань. Куда захотела, туда и потратила.

– Последние!

– Рудольф Маркович сказал, что она принесёт мне удачу.

– Рудольф Маркович – это тот аферюга, который содрал

с тебя такие немыслимые бабки за кучку фальшивых камешков?

Я на сестру оглянулась, посмотрела с укором.

– Ты зря обижаешь человека. А брошке сто пятьдесят лет.

– То есть, ты не первая идиотка, которая её купила. Супер.

Я разозлилась.

– Иди, работай.

– Ты тоже иди и работай. Тебе теперь жрать не на что будет. Надо работать старательнее. – Анька развернулась и направилась в зал, а я не удержалась и проговорила ей вслед:

– Возможно, её носила герцогиня!

Сестра заглянула обратно в раздевалку. Кинула на меня снисходительный взгляд.

– В России не было герцогов. У нас были князья.

Я пренебрежительно фыркнула в ответ на её познания, снова на себя в зеркало посмотрела. Расправила плечи, и проговорила себе под нос:

– Подумаешь, тогда княжна. Самая богатая и знаменитая.

В этот день у меня было отличное настроение. Я запретила себе думать о том, что я теперь бедная, что могу рассчитывать только на зарплату, и наслаждалась осознанием того, что у меня появилась необычная, замечательная вещь. Какой больше ни у кого нет. Год назад я тоже здорово потратилась, купила себе туфли от Шанель. За немыслимые, как тогда казалось, деньги. Но отлично помню, какое удовольствие получала всякий раз, как надевала их, чувствовала себя особен-

ной. Несмотря на то, что каждый раз натирала мозоль на мизинце. Но это не имело никакого значения, куда важнее был психологический подъём, который я испытала от покупки. А приобретение броши меня попросту окрылило. Непонятно почему, но я, на самом деле, ощущала себя богатой наследницей и принцессой крови.

– Что это у тебя? – поинтересовался Петрович, уставившись на мою грудь.

Я расцвела в улыбке.

– Нравится? Кажется, все посетители замечают.

– Ещё бы, раз ты перед ними титьками трясёшь.

Я улыбаться перестала. И даже обиженно проговорила:

– Николай Петрович!

Начальник же постучал коротким пальцем по краю стойки администратора. И строгим голосом проговорил:

– Смотри у меня, Лидия. Не натвори дел.

– Я работаю, – попыталась оправдаться я. – Со всей старательностью.

– Вот со старательностью и поосторожнее. Не перестарайся.

– Вас не поймёшь…

– Цыц, я сказал, – шикнул на меня Озёрский, и незаметно ткнул пальцем в сторону дверей, которые как раз открылись, впуская очередных посетителей ресторана.

Если днём в «Алмазе» было спокойно, люди приходили пообедать, провести деловую встречу или даже поработать

в тишине за маленьким столиком у окна, то к вечеру обстановка оживлялась. Шума и пьяных плясок в ресторане никогда не случалось, если только в те вечера, когда весь зал бронировали под спецзаказ. Но и тогда никто никогда не знал, что происходит за закрытыми дверями, потому что на входе вместо администратора становились дюжие охранники, и не подпускали никого чужого на пушечный выстрел. А в обычные вечера, даже будние, все столики были забронированы, официанты сбивались с ног, на сцене вовсю старались музыканты, наигрывая что-то беспечное и ненавязчивое, но главное, чтобы музыка была живая, это придавало заведению респектабельности. И я уже знала, что за фортепиано и на скрипке в «Алмазе» не играют случайные люди с улицы, все как один заслуженные, из губернаторского оркестра. Что ж, лишние деньги никому карман не тянут. И признанным музыкантам никто не ткнёт, что они подрабатывают вечерами в кабаке. Нет, они всё также радуют просвещенную публику, дарят им душевную благость, играют на струнах их душ. Честно, я сама слышала, как саксофонист с красным носом на полном серьёзе обсуждал это с Петровичем. Озёрский ему конверт с деньгами протягивает, а красноносый ему про развитие и прекрасную душу рассказывает. А сам конвертик суетливо в карман прячет. Петрович мелко кивал, улыбался, а сам всё в зал косился. Правильно, за столиком у самой сцены в тот вечер губернатор с супругой ужинали. Просвещались.

Всё это попахивало откровенным лицемерием. Я проработала в «Алмазе» две недели, а уже могла судить о том, что люди сюда приходят не ужинать, а пускать друг другу пыль в глаза. И в городе, наверняка, есть заведение, куда все эти достопочтимые мужи отправляются выпускать пар. И, слава богу, что я работаю здесь, а не там. Наблюдать изнанку не хотелось бы. Куда лучше, когда всё вот так чинно и благородно, пусть и неправдиво. А моё дело маленькое: улыбнуться и проводить за столик. Иногда польстить, сказать какую-нибудь банальность про галантные манеры мужчины или причёску его спутницы. И, наверное, у меня неплохо получалось, потому что Петрович, несмотря на то, что ворчал на меня временами, особо не придирался. Моя манера общения ему импонировала.

– Поздоровалась, проводила, польстила и уходи, – всегда повторял он мне. – И задницей не виляй, не хватало нам проблем с чужими бабами. Ты профессионал. – Петрович, после этого слова, ко мне присмотрелся, придирчиво. Губы поджал. После чего переспросил: – Ты ведь профессионал?

– В плане ресторанного бизнеса? – невинно переспросила я.

Озёрский снова погрозил мне пальцем.

– Лидия.

Я попыталась скрыть улыбку, но не слишком в этом преуспела. Затем к начальнику обратилась:

– Николай Петрович, не переживайте. Я своё место знаю,

и оно меня вполне устраивает.

– Очень на это надеюсь.

Мужиков в «Алмазе» была тьма. И все как один преуспевающие, обеспеченные, деловые, вот только зачастую далеко не красавцы. Да и порядочности, той самой галантности многим не хватало. Хорошо, если тебя расценивают, как прислугу. Не обращают внимания на твои слова и вежливые улыбки, бубнят что-то невнятное в ответ, и твоё дело поскорее проводить их за столик и оставить в покое. Но некоторые не прочь были и пофлиртовать. И вот тут на самом деле приходилось включать профессионала и ни на что не реагировать. Даже на протянутые к тебе руки и масляные взгляды. Становилось откровенно неприятно, но я напоминала себе, что, во-первых, я получаю за это зарплату, а, во-вторых, не все люди, как говорится, человеки. Особенно, это относится к мужикам на вечерней охоте. В такие моменты хотелось застегнуться на все пуговицы, и спрятаться за форменной одеждой, как за плащ-палаткой. Аньке проще, она всегда за барной стойкой укрыться может, а я на виду, на передовой.

После моей первой встречи с Давидом, прошла неделя. Признаюсь честно, после первой тревожной ночи я спала спокойно, и даже посмеиваться над собой начала со временем. Его образ в моём сознании потускнел, если я и вспоминала о поразившей меня в самое сердце своим внешним видом особи мужского пола, то раз в день, не больше, в ос-

новном, вечером, когда можно было расслабиться, и, наконец, отвлечься от работы. Я выпивала бокал вина перед сном и, смехом, раздумывала о том, что наверняка в этом мире, даже в этом городе, есть женщина, которая проводит с ним вечера и ночи. И мне, чисто для эксперимента, интересно каково это. Давид Кравец. У него даже имя не как у всех. И внешность не как у нормального, среднестатистического мужика. И ему как-то нужно с этим жить. Вот мне и интересно – как живут такие, как он. Наверное, не задумываются, что они особенные, и что жизнь их и мировоззрение должны быть какими-то другими.

И вот настал вечер, когда Давид снова появился в «Алмазе». В этом не было ничего сверхъестественного, он пришёл поужинать, к тому же, не один, а для меня словно набат в ночи прозвучал. Я, как обычно, встречала гостей, зал уже был полон, я устала улыбаться и говорить банальности, и не могла дождаться окончания вечера, когда можно будет снять с лица опостылевшую улыбку, и уйти домой. За большим столом в центре отдыхали московские гости, шумели и смеялись, и меня подзывали уже не раз. Молодые мужчины, зазывно улыбались и посматривали с намёком. Даже за столик приглашали, от чего мне пришлось со всей серьёзностью отказаться и пожелать им хорошего вечера.

– Соблазняют? – со смешком поинтересовалась Анька, когда я на минуту остановилась у барной стойки. Сестра протянула мне стакан воды, и я за ним спрятала усмешку.

– Наседают, – сказала я негромко.

– Обидно, да? Вот так и проворонишь свою судьбу. Увёз бы тебя столичный принц на своём железном «Бэнтли» в Москву, а ты тут за униформой прячешься.

– Знаешь, я почему-то уверена, что у всех этих столичных принцев в столице по домам принцессы сидят. Им не до нас.

– Это ещё обиднее. Надежда во мне угасает стремительно и неотвратимо.

– Надежда на что? Захомутать королевскую особу?

– Да чёрт с ней, с королевской, хоть какая-нибудь приличная персона попалась бы. Ради разнообразия.

– Лид, – ко мне со спины приблизился официант Антон, молоденький мальчик с шевелюрой цвета молодой морковки, и предостерегающе шепнул, – Петрович глазами стреляет.

Я тихонько вздохнула.

– У меня ощущение, что он никого, кроме меня, не видит, – пожаловалась я едва слышно.

Анька усмехнулась, активно натирала бокалы белоснежным полотенцем, а когда я в спешке делала последний глоток воды, кивнула в сторону входа:

– Кстати, о царской семье. Беги, встречай.

Я через плечо обернулась, не совсем понимая, кого она имеет в виду, если честно, подумала о губернаторе, что зачастил к нам в последние дни, или, на крайний случай, о мэре, но никого знакомого не увидела. Только мужчину сред-

них лет, моложавого и стройного, под руку с худой блондинкой в платье, которое я как раз вчера заприметила в торговом центре. Но стоил наряд столько, что мне оставалось только похлопать глазами и пойти прочь из магазина с такими мало привлекательными, я бы даже сказала, безобразно бессовестными ценами. А вот теперь вижу золотистый шёлк на блондинке, и мне обидно. Но я нацепила на лицо улыбку и поспешила навстречу гостям, про себя гадая, кто к нам пожаловал, и, жалея, что не успела расспросить об этом Аньку.

– Добрый вечер, – проговорила я, мило улыбаясь. – Рады приветствовать вас в нашем ресторане. Вы бронировали столик?

Я смотрела на мужчину, не на блондинку. При ближайшем рассмотрении он выглядел старше, чем мне в первый момент показалось издалека. Морщинки, не чёткий овал лица, да и выражение глаз выдавало. Непонятно почему, но в первую очередь взгляд его старил. В нём была не усталость, скорее, пресыщенность. Мужчина был одет броско, он явно молодился, но глядя ему в лицо, я могла с точностью сказать, что пятидесятилетний рубеж он перешагнул далеко не вчера. Но, по всей видимости, старался об этом забыть. И для этого ему нужна была миловидная девочка рядом, которая тоненьким голосом без конца бы тянула:

– Марчик, я хочу шампанского!

Я всё-таки обратила на девушку внимание, от цвета платины на её голове и капризно сложенных губ меня едва не пе-

рекосило, но я профессионально, на высшем уровне этого самого профессионализма, удержала на губах улыбку.

– Потерпи, дорогуша, сейчас нас проводят за стол.

Неожиданно голос у мужчины оказался глубокий, завораживающий, очень приятный. Он посмотрел на меня и повторил:

– Дорогуша, мы хотим поужинать.

– Вы бронировали столик? – терпеливо повторила я свой вопрос. Снова улыбнулась, а мужчина вдруг ко мне присматриваться начал. Его взгляд остановился на моих губах, после чего бесстыдно спустился на грудь. Стало неудобно и некомфортно. А брошь на груди будто потяжелела, превратилась в камень и начала душить. Хорошо, что длилось это ощущение недолго. В следующий момент я думать забыла о парочке, что стояла передо мной, потому что за их спинами, словно из воздуха, возник Давид Кравец. Он, на самом деле, появился из ниоткуда, окончательно лишив меня воздуха и каких-либо мыслей и чувств. Которые мне весьма пригодились бы, чтобы вспомнить о том, что я профессионал.

Давид, видимо, услышал наш разговор, потому что вместо приветствия, сказал:

– Мы заказывали столик. На фамилию Плетнёва. – Он кинул на блондинку весёлый взгляд. И явно передразнил: – Яна, дорогуша, ты же Плетнёва?

Я стояла и бестолково таращилась на эту троицу. То есть, таращилась я, конечно, на Давида, но затем мой взгляд мет-

нулся к лицу мужчины, и я уже осознанно уловила сходство, оно было выраженное. Широкий лоб, голубые глаза, тёмные волосы зачёсаны назад очень похоже. По всей видимости, передо мной стоял отец Давида. Черты лица были схожи, а вот держались отец и сын совершенно по-разному. Кравец-старший изо всех сил старался казаться уверенным в себе, а у Давида это получалось само собой. Он не старался и вряд ли задумывался о том, чтобы произвести на кого-то впечатление.

– Я сейчас проверю, – проговорила я сбивчиво, вспомнив о своих непосредственных обязанностях. Принялась листать книгу заказов, но буквы предательски отказывались складываться в слова.

А блондинка тем временем удивилась:

– Я заказала столик?

Давид хмыкнул, шагнул к стойке администратора и перегнулся через неё, заглядывая вместе со мной в блокнот. На меня пахнуло невероятной свежестью одеколона, накрыло волной тепла, и я окончательно перестала соображать. И это привело к тому, что Давид первым ткнул пальцем в нужную строку.

– Вот она. Никому неизвестная героиня, – проговорил он прямо мне в лицо. Его дыхание коснулось моих щёк, и я решила, что мне всё это снится. Глаза подняла, и мы встретились взглядами. Я, наверняка, смотрела перепугано, а вот дорогой гость меня разглядывал. С интересом. И его взгляд тоже остановился на моих губах, ниже не опускался. Навер-

ное, в отличие от своего отца, знал, что это неприлично.

Я отступила на шаг. Сказала:

– Я провожу вас к столику.

Давид кивнул, не торопясь отводить глаз, и всё-таки в какой-то момент его взгляд спустился к моей груди. Но смотрел он на брошь. А мне вдруг стало так стыдно! В один момент. Казалось, что я умру от жара, накатившего на меня. Мне показалось, что как только Давид увидит брошь на моей груди, он сразу всё поймёт, все мои тайные помыслы. Узнает, что я думала о нём не раз и не два после одной лишь мимолётной встречи, и приобретенное украшение стало неким символом моей заинтересованности им, раз я отправилась искать магазин, принадлежащий его семье. Ведь зачем-то я это сделала?

Самой бы себе ответить зачем. До сих пор не знаю.

Но Давид взгляд отвёл, на его губах мелькнула улыбка, милая, ничего не значащая, и в следующий момент он от меня отвернулся. Что-то сказал отцу, посмеялся над какой-то глупой фразой блондинки, а я аккуратно обошла их и направилась через зал к нужному столу, чувствуя странную, необъяснимую обиду. Не за себя, а за брошь. За то, что украшение, которое сразило меня своей красотой и необычностью, ничего не сказало хозяину магазина, в котором та провела, возможно, много месяцев. То есть, её признали той самой бижутерией, не стоящей внимания, ничего не значащей, хоть и сверкающей.

И я, надо думать, ей под стать.

Один из мужчин за столиком, за которым отдыхали московские гости, откровенно оглянулся мне вслед, когда я прошла мимо. Я краем глаза заметила, как он обернулся, но я прошла мимо, остановилась у соседнего стола и учтиво указала на него вновь прибывшим гостям.

– Располагайтесь. Официант к вам сейчас подойдёт.

Отца Давида, насколько я поняла, звали Марк. Он отодвинул для блондинки стул, а когда та присела и жеманно повела плечами, наклонился и поцеловал ту в щёку. Это выглядело глупо. Именно глупо. Почему-то. Но я поняла, что наблюдаю за его действиями чересчур внимательно, опомнилась, и поспешила глаза отвести. А когда сделала это, неожиданно натолкнулась на взгляд Давида. Он заметил мой интерес, и его это посмешило. Сам он выглядел расслабленным, на отца и его спутницу не смотрел, присел за стол и пристроил локоть на краю.

– Хорошего вечера, – пробормотала я, и шагнула прочь.

– Девушка, а у вас можно заказать цветы?

Пришлось остановиться, вернуться к столу москвичей и мило улыбнуться тому, кто весь вечер на меня глазел и даже пытался схватить за руку.

– Конечно, – ответила я. – В холле есть цветочная лавка. Какие именно цветы, и на кого оформить доставку?

Мужчина расплылся в довольной улыбке, а его взгляд упорно пытался нырнуть в мой скромный вырез на груди.

На моей форменной рубашке было расстёгнуто всего две пуговицы, скромнее просто некуда, но он отчаянно старался что-то разглядеть.

– На меня. А цветы выберите сами. Какие вы предпочитаете?

– Розы, – автоматически ответила я. И тут же пояснила: – Думаю, все женщины любят розы, так или иначе. Не прогадаете.

– Я никогда не прогадываю. Закажите себе букет самых красивых роз.

Я моргнула. Сознание постепенно прояснялось.

– Мне? Спасибо, но я не заказываю сама себе цветы. Извините, меня гости ждут.

Ещё одна осточертевшая мне улыбка, и я направилась на своё рабочее место, к входным дверям. А сердце в груди делало кульбиты. Но совсем не из-за того, что меня пытались соблазнить букетом роз.

– Что он от тебя хотел? – спросил Петрович, подойдя ко мне через несколько минут.

Я нервно перелистывала книгу заказов.

– Ничего, – ответила я рассеянно, не поднимая глаз. – Пришли поужинать.

– В смысле? – озадачился начальник.

Я поняла, что сморозила глупость, посмотрела на Озёрского и переспросила:

– А вы о ком?

– О том столичном пижоне. А ты о ком?

– А-а. – Я выдохнула, незаметно махнула рукой. – Он пьян. Хотел поразить меня своей щедростью. Цветы подарить. И чтобы я сама их себе ещё и заказала. Что за мужики пошли? – вдруг пожаловалась я.

А Петрович сокрушённо качнул головой.

– Ну, Лидия.

Я глаза на него вытаращила, изображая невинность.

– А я при чём? Я же отказалась. Всё по инструкции, как вы говорили.

– Чувствую, будут у нас ещё неприятности.

– Из-за меня?

– И из-за тебя тоже. Работай.

Работать расхотелось. Зал полон, новых гостей не появлялось, и я торчала у входных дверей, и мне казалось, что у всех на виду, и все на меня смотрят. Стояла, гордо расправив плечи, пялилась в свои записи, которые никому, по сути, нужны не были, и изображала жуткую занятость. Только иногда позволяла себе кинуть быстрый взгляд в зал. И куда бы и на кого бы я ни смотрела, глазами, в итоге, находила Давида. Он выглядел хоть и расслабленным, но скучающим. Разговаривал с отцом, иногда улыбался, лениво, как Чеширский кот, а я смотрела на него и думала о том, что это ненормально для мужика, быть настолько притягательным. И при этом ужинать в компании отца и его молодой любовницы. А где очередь из влюблённых женщин модельной внешно-

сти, рвущих его на части? Или он настолько любит родителя, что готов пожертвовать личной жизнью на целый вечер, чтобы послушать лепет глупой блондинки? Интересно, она жена Кравецу-старшему или нет? Наверное, это невероятно мило и в то же время странно говорить окружающим, что этот хрупкий, белокурый эльф его мачеха.

В конце вечера мне на стойку приземлился букет красных роз. Честно, мне никто никогда такого шикарного букета не дарил. Не меньше двадцати штук головастых, бордовых роз. Я уставилась на них, затем подняла глаза и увидела своего столичного поклонника, который, по всей видимости, очень хотел свести с провинциальной администраторшей более близкое, я бы даже сказала, тесное знакомство. Часы показывали половину первого ночи, работать оставалось всего ничего, и я успела обрадоваться тому, что вечер прошёл без серьёзных эксцессов. Шумная компания московских коммерсантов покинула ресторан ещё час назад, чем всех порадовала, потому что к концу вечера они окончательно вошли во вкус и расшумелись, чего в «Алмазе» никак не приветствовали. По обрывкам их разговора было ясно, что веселье они планируют продолжить, и я их мысленно благословила. А от взгляда «ухажёра» старательно скрывалась, пока он не прошёл мимо и не исчез за дверями ресторана. И уж точно я не ждала и не хотела увидеть его спустя час, даже с цветами. Причём, цветы он, в прямом смысле слова, бросил передо мной. Не слишком хорошее начало.

– Я купил тебе цветы. Розы, как ты хотела.

– Я не хотела, – отозвалась я спокойно. – Не нужно было тратиться.

– Да что это за траты, – ухмыльнулся он, явно бравируя. – Копейки.

– Как мило, – пробормотала я, с неудовольствием глядя на красивые цветы, которые, точно, были ни в чём не виноваты.

Мужчина наклонился через стойку, уставился на мою грудь. Делал вид, что читает моё имя на бейдже, но я знала, буквально физически чувствовала, что он разглядывает мою грудь, словно он до меня дотронулся.

– Лидия, – наконец прочитал он. Поднял глаза к моему лицу и улыбнулся. – А меня зовут Александр.

Пришлось кивнуть. В зале всё ещё были гости, и некоторые стали обращать на нас внимание.

– Очень приятно, – негромко проговорила я.

Вообще, парень был недурён собой. Лет тридцати с небольшим, русый, светлоокий, подкаченный. И сразу понятно, что при деньгах. Держался высокомерно и тряс передо мной букетом тысяч за десять с таким видом, словно он, на самом деле, стоил копейки, а не треть моей зарплаты. Возможно, для него это и не стоило ничего, но именно это, а ещё дурнинка во взгляде, и отбивала всякую охоту с ним знакомиться. И цветы его мне были не нужны, и имя его. Я больше всего хотела в этот момент, чтобы он нашёл себе

другой объект для знакомства, и задарил эти розы ей. Мне было бы куда спокойнее. А теперь вот переживай, что у этого нетрезвого обалдуя на уме на мой счёт.

– Как насчёт того, чтобы продолжить вечер вместе? Обещаю насыщенную программу.

– Насыщенную чем?

– Приключениями и удовольствиями.

Я изо всех сил старалась быть вежливой и сохранять спокойствие.

– Спасибо, Александр, но боюсь, у нас с вами ничего не получится.

– Это почему?

– Нам запрещено встречаться с посетителями.

– А я не предлагаю встречаться. Я же тебя не замуж зову.

Вот от этих слов стало неприятно. Я даже перестала прятаться от его взгляда, и посмотрела Александру в лицо.

– А куда вы меня зовёте? Если не секрет.

Он недовольно насупился.

– Ты чего какая сложная, Лидия?

– Я не сложная, я серьёзная. И я только замуж. Кстати, живу недалеко от загса. Интересует?

– Ты бы не задавалась, – попросил он с намёком на угрозу. Я её явственно расслышала.

– Я работаю в этом ресторане администратором. Нигде не сказано, что обязана развлекать посетителей вне этих стен, более того, нам это запрещено. Я могу позвать управ-

ляющего, он вам об этом расскажет. Извините, но у меня нет желания терять работу из-за букета цветов.

Александр сверлил меня тяжёлым взглядом, после чего оттолкнулся рукой от стойки и выпрямился. Букет полетел мне в руки, а сам несдержанный посетитель развернулся и ушёл. В первый момент я выдохнула, но затем решила, что рано радуюсь. И через час мне самой придётся покинуть эти стены. И кто знает, что у этого настойчивого ухажёра на уме. Я была больше чем уверена, что живёт он в гостинице. А на безымянном пальце я успела заприметить обручальное кольцо. Вот тебе и принц, окольцованный.

Посетители покидали ресторан. Я продолжала улыбаться, повторять слова прощания и приглашать их посетить наше заведение ещё раз. Глупые фразы, прописанные Петровичем и выученные мною наизусть. Хотя, бессмысленные, раз большинство посетителей появлялись в «Алмазе» едва ли не каждый вечер.

Семейству Кравец я тоже улыбнулась, а с Давидом даже глазами встретилась. Меня снова обожгло, а он посмотрел на меня и отвернулся. Был занят телефонным разговором, и на обслугу ему было откровенно наплевать. В общем, рабочий день заканчивался не слишком хорошо, настроение у меня к концу вечера сползло до нуля, а после того, как Давид отвернулся, не заметив моей улыбки, стремительно провалилось ниже плинтуса.

– Проблемы были? – спросила Анька, переодеваясь и зе-

вая во весь рот.

Я лишь отмахнулась.

– Дурак пьяный пристал. Из московских. Цветы притащил, а затем в лицо мне ими и зарядил.

Анька и ещё одна девочка-официантка, что оказалась поблизости, хором ахнули.

– И что?

– Да ничего. Воткнула его веник в вазу у входа. Хоть какой-то толк.

– Отшила?

– Конечно.

Мы покинули ресторан с чёрного входа, как и положено было поступать. По узкому тротуару обогнули здание гостиницы, и направились к стоянке такси. Общественный транспорт в это время суток не ходил, и приходилось тратиться на такси. Но Николай Петрович искренне считал, что платит нам достаточно для того, чтобы мы не ныли по этому поводу. Правда, поговаривали, что ежеквартально выплачивал бонусы, покрывая транспортные расходы. Поэтому я тоже не ныла.

Окна холла гостиницы и крыльцо были залиты светом, через панорамные окна можно было наблюдать, что, не смотря на позднюю ночь, в гостинице кипит жизнь, да и на улице не было безлюдно. От осознания того, что вокруг многолюдно, я успокоилась, напряжение меня покинуло, и я даже отпустила девчонок на такси, так как им было в одну сторо-

ну, а сама осталась ждать другую машину, не испытывая особого дискомфорта. Анька только попросила позвонить ей, как только окажусь дома, я пообещала и спокойно отпустила их. Даже рукой на прощание помахала. Осталась на пустой стоянке такси, уверенная, что свободная машина подъедет в течение нескольких минут, по-другому никогда до этого не случалось. Ночь тёплая, звёздная, я стояла под фонарём и таращилась на ночное небо, чувствуя, что устала. Хотелось горячего чая и спать.

– Отработала?

Я обернулась на голос, и мысленно ругнулась. Вот кого в два часа ночи на пустой стоянке такси мне не хватало. Заезжего Казановы.

Александр стоял напротив меня, сунув руки в карманы брюк, и, как мне показалось, покачивался. Видимо, был знатно пьян.

– Отработала, – кивнула я. Отвернулась, высматривала машину на дороге, но, как назло, такси было не видно.

– Что ж ты такая не чуткая, Лида?

Уже пятнадцать минут, как я не находилась на рабочем месте, и могла не придерживаться официоза и приличий. Поэтому сказала:

– А у вас, Александр, кольцо на пальце.

– И что?

– Ничего. Меня это не касается никак, а вот вашей жене явно не понравилось бы ваше стремление свернуть налево.

И траты на букеты обслуживающему персоналу.

– А ты о моей жене подумала?

– О себе я подумала. Что мне нет никакой охоты развлекать незнакомого мужика в командировке. Вас тут через одного такие. На всех меня не хватит.

– А я, смотрю, ты вне работы куда разговорчивее. – Он сделал ко мне шаг, и я невольно отступила. По сторонам огляделась. Куда все люди подевались? И такси?!

– Шли бы вы спать, – посоветовала я ему, правда, без всякой надежды, что он моему совету последует.

Александр щурился, пристально вглядывался в моё лицо. Явно что-то пытался во мне высмотреть, и я была уверена, что то, что он высмотрит, мне не понравится.

– Ты красивая, – сказал он. – Дерзкая такая. Но неужели думаешь, что можно вот так мужику цветы в лицо швырять.

– Это ты в меня цветы швырнул, – напомнила я ему, перейдя на «ты». Как развивалась ситуация, мне активно не нравилось, я искала выход, и понимала, что если ничего не изменится в ближайшую минуту, то мне останется только воспользоваться нетрезвым состоянием Александра, оттолкнуть его и бежать в гостиницу. Там светло, там люди, там он меня не тронет.

– Не понравились?

– А я должна была растаять? Это провинциальный город, конечно, но не настолько. Живые розы я видела.

– На самом деле, разговорчивая. Сразу видно, что мужика

у тебя нет. Иначе научил бы вовремя затыкаться.

Это было самое милое, что я слышала в своей жизни.

Подумала об этом, но, слава богу, мне хватило ума вслух своё замечание не озвучивать. Вместо этого я ровным голосом попросила:

– Перестань на меня напирать.

– Я напираю? – Он насмешливо вздёрнул брови.

– Да. – Я в какой-то момент упёрлась ему руками в грудь, в попытке оттолкнуть, потому что за моей спиной неожиданно оказался столб.

– Я ещё даже не начинал.

Очередная шовинистическая наглость.

Я попыталась вывернуться из осады, а Александр взял и схватил меня за подбородок. Схватил больно, я головой дёрнула, но освободиться не получилось. Не зная, что ещё сделать, я попыталась пнуть нападавшего коленкой. Сколько раз видела этот фокус по телевизору, но, видимо, оборонявшимся девушкам на телеэкране попадались какие-то другие вредители, охотно подставляющие укромные места для удара. Мой оказался не таким, легко увернулся, и как-то так получилось, что его руки оказались на моих плечах, а он сам сзади.

– Отпусти меня! – потребовала я. Снова попыталась его пнуть, но, не видя куда пинать, меня постигла очередная неудача. А Александр уткнулся носом в мою шею и жарко задышал. Меня, если честно, передёрнуло. И от чужого ды-

хания на своей коже, и от стойкого запаха алкоголя. Я вцепилась в его руку, вцепилась ногтями, Александр ругнулся и меня встряхнул. Его захват стал сильнее, я ткнулась подбородком в сгиб его локтя, и так повисла на какую-то секунду, всё больше впадая в панику.

Краем глаза заметила машину, в первый момент обрадовалась, но это было не такси. Автомобиль, низкий, спортивный, проехал мимо, и я в отчаянии прикрыла глаза. Правда, тут же услышала скрип тормозов, автомобиль сдал назад и остановился. Хватка Александра ослабла, я этим воспользовалась и изо всех сил его от себя оттолкнула. Он покачнулся, сделал большой шаг назад и едва не упал. А я в сердцах выкрикнула:

– Идиот! – Схватилась за свою шею, которую он пережал, явно не осознавая свою силу. Глотать было больно.

Дверь автомобиля открылась, я обернулась и увидела Давида Кравеца. Он вышел и теперь насторожено смотрел на нас.

– Что происходит? – поинтересовался он, обходя машину.

Он задал вопрос, а я могла только стоять и хлопать глазами, продолжая держаться за горло. С трудом сглотнула.

– Ничего не происходит, – отмахнулся злой и раздосадованный Александр. – Ехал мимо и езжай. Я со своей бабой разговариваю.

– Ты с бабой своей будешь разговаривать дома. Если там бабу обнаружишь. – Давид на меня посмотрел. – У тебя всё

нормально?

Я снова сглотнула, снова стало больно, от этого обидно и страшно, и я головой мотнула.

– Садись в машину, – сказал Давид.

Я оглянулась, кинула злой взгляд на Александра, но говорить ничего не стала. Я больше всего боялась, что Давид возьмёт и уедет, оставит меня с этим психом. И сейчас дело было совсем не в том, что это Давид Кравец. Я обрадовалась бы любому спасителю, даже если бы рядом с нами остановился Петрович, которого наверняка с трудом видно из-за руля.

Давид открыл для меня дверь автомобиля, я как-то неуклюже забралась в низкий салон, а когда дверца захлопнулась, закрыла лицо руками. Как в кино. Давид Кравец спас меня от насильника. Только радости никакой. Чувствую себя грязной.

4 ГЛАВА

Давид открыл дверь со стороны водительского сидения, и я поторопилась убрать руки от лица. Осторожно выдохнула, потом руки вытянула, посмотрела на трясущиеся пальцы, после чего сжала их в кулак. Поняла, что Давид за мной наблюдает.

– Напугал, идиот пьяный, – пожаловалась я, и сама поразилась тому, насколько глухо прозвучал мой голос. Глухо и перепугано. Я, на самом деле, настолько напугана?

Давид кинул взгляд в зеркало заднего вида, Александр всё ещё стоял и смотрел на машину. Потом, кажется, сплюнул на асфальт. А Давид нажал на газ.

– Что ты делала в такое время здесь одна?

– С работы шла, – проговорила я. – Девчонкам в другой район, они уехали, а я такси ждала.

– Дождалась.

Я едва заметно пожала плечами. Сказать мне было нечего.

Я замолчала, и Давид кинул на меня быстрый взгляд. Спросил:

– Ты как?

Я плечи расправила, постаралась не выглядеть жертвой нападения. Я до сих пор до конца не понимала, было это нападением или недоразумением, которое подогрело мою буйную фантазию.

– Всё нормально, – ответила я. Повторила: – Просто напугал. Пьяный и наглый.

– Наглый, – подтвердил Давид, кивнув. Вдруг хмыкнул. – Настойчивый мужик. Цветы подарил.

Я на него посмотрела. Хотела кинуть короткий взгляд, но засмотрелась. Вдруг осознала, что я нахожусь в его машине, и он со мной разговаривает. Как со старой знакомой, на «ты», даже сочувствие проявляет, кажется, неподдельное.

– Нужны мне его цветы, – пробормотала я обиженно. – Таких, заезжих, как он, в «Алмазе» через одного.

– Это тоже верно. Кстати, меня зовут Давид.

– Я знаю.

Он посмотрел на меня, мне показалось, что я даже в темноте смогла увидеть, как сверкнули его глаза.

– Понятно.

Я на мгновение замерла от неловкости. Потом подумала о том, что он вряд ли знает, как зовут меня. К чему ему запоминать имя администратора ресторана, в котором он время от времени обедает?

– Я Лида.

– Лида? Очень приятно, Лида.

– Спасибо, что спасли. Что остановились.

– Трудно не остановиться, когда на тёмной улице какой-то мужик к девушке пристаёт. Борцовскими захватами. Странные у него понятия о соблазнении.

– Соблазнять он даже не пытался. По его разумению, я

должна была умереть от счастья при виде букета цветов.

– А ты не умираешь от счастья?

Я отвернулась.

– Как-то нет.

– Где ты живёшь?

Я голову повернула, в первый момент взглянула с непониманием. Моргнула.

– Не нужно везти меня домой, спасибо. Высадите поближе к стоянке такси.

– Смотрю, тебе мало приключений. Решила повторить. Говори адрес.

Я секунду боролась с собой, после чего назвала адрес. Ехать нужно было на окраину, в спальный район, но Давид даже бровью не повёл. Мы свернули на светофоре и помчались по пустому проспекту.

– Тебе нравится в «Алмазе»?

– Отвлечь пытаетесь?

– Признаюсь. Но всё равно любопытно.

– Нравится, – ответила я. – Это ведь зачётное место в городе?

– Какое? – переспросил Давид. Повторил и тут же рассмеялся: – Зачётное? Давно не слышал этого словечка. Только Петровичу так не говори.

Я улыбнулась, глядя в окно.

– Не буду. Он точно не поймёт.

– Муштрует? – Я пожала плечами, не подтверждая,

но и не споря с его догадкой. – Петрович он такой, кремень. Маленький, но крепенький. Ты знаешь, что он «Алмазом» управляет ещё с девяностых? Там раньше братва любила собираться, говорят, громкие у них загулы случались. А Петрович рулил и выруливал. За это его уважают до сих пор.

– Наверное, сейчас ему работа кажется детским праздником.

– Может быть. Как-нибудь поинтересуюсь. Но у тебя неплохо получается, молодец.

– Вы за мной наблюдали?

– Сегодня – да. Ты так таращилась на Янку, это было смешно.

– Ну вот, а говорите, что хорошо получается. Как сказал бы Николай Петрович: я вела себя крайне непрофессионально.

– Да ладно. Я тоже на неё долго так пялился. – Давид даже головой качнул. – Даже удивительно, где отец отыскивает из раза в раз таких беспомощных особ. Но он, реально, от них тащится. – Он кинул на меня весёлый взгляд. – Ты не такая?

– Точно, не беспомощная, – заверила я.

– Всё сама-сама?

– Я стараюсь. К тому же, когда с юности живёшь отдельно от родителей, да уезжаешь в мегаполис, не получается играть в беспомощность.

– А где ты жила?

– Год в Москве. Но это давно было, когда только уехала. Думала, что Москва – это мой город, что там можно всё, только стоит захотеть. Но, то ли я хотеть плохо умею, то ли во мне недостаточно талантов, но в столице я не прижилась. Уехала в Питер. Вот там я прожила пять лет. Обожаю Питер.

– А почему вернулась?

Потому что меня Мишка, засранец, бросил перед самой свадьбой, оставив без средств к существованию и особого выбора.

– Так сложились обстоятельства. Вернулась месяц назад, пришлось искать работу.

– И что, мы провинция?

– Везде провинция. Всё зависит от качества жизни.

– А-а, деньги.

– Думаете, мне это нравится? Но так и есть. Вот здесь надо свернуть.

Автомобиль свернул во двор моего дома, проехал по узкой дороге, и я представила, как диковинно, наверняка, смотрится дорогущий спорткар во дворе блочной пятиэтажки. Хорошо, что соседи спят, а то сплетен хватило бы на месяц.

– Спасибо, что подвезли. И спасли. – Я отстегнула ремень безопасности, повернулась на сидении, собираясь вежливо улыбнуться и попрощаться со своим спасителем, и вдруг меня прострелило. Моя рука в панике вернулась к груди, я опустила глаза, и едва не застонала. Броши на кофте не было.

– Что случилось? – спросил Давид, заметив выражение паники на моём лице.

– Брошка. – Я глаза закрыла. И вот тут уже не сдержалась: – Вот паразит! Я из-за него брошку потеряла! – Я готова была расплакаться, честно. И почти собиралась это сделать, пусть и на глазах чужого человека. Украшение было жалко до ужаса. Даже не из-за потраченных денег, а из-за того, что я успела к броши привязаться, по-настоящему. Она скрашивала мои последние дни, я смотрела на неё, и мне хотелось улыбаться. И вот из-за какого-то пьяного Казановы я её лишилась.

– Ценная?

– Ну да… – пробормотала я. Вспомнила о том, что это бижутерия и созналась: – Для меня ценная.

Я купила её несколько дней назад. Она мне так нравилась!

– Ладно, не расстраивайся. Значит, не твоя.

– Ну, как это не моя? Рудольф Маркович сказал, что она принесёт мне удачу. И вот, приехали!

– Рудольф Маркович? – переспросил Давид, после чего многозначительно хмыкнул. – Ну, раз Рудольф Маркович сказал, значит, всё так. Он в таких вещах толк знает.

Я поняла, что брякнула в волнении, язык прикусила, но было поздно. Оставалось притвориться непонимающей и несведущей. И поэтому я лишь огорчённо кивнула. После чего открыла дверь автомобиля и выбралась наружу. Вдохнула полной грудью прохладный, ночной воздух. От расстрой-

ства дышалось как-то по-особенному глубоко.

– Не по пути мне с удачей, – пожаловалась я самой себе.

– Не выдумывай. – Давид тоже из машины вышел, за мной наблюдал. – Хочешь, я вернусь к гостинице и посмотрю, не лежит ли она там где.

Я глаза на него вытаращила. После чего головой покачала.

– Не хочу.

– Почему? Стесняешься?

– И это тоже, – не стала я спорить. – К тому же, её, наверняка, там уже нет.

– Значит, надо положиться на судьбу. Если это твоя вещь, она к тебе вернётся. С особенными вещами всегда так. Ты даже не представляешь, что порой происходит с драгоценностями и антиквариатом, какая у банальных стекляшек судьба бывает, покруче, чем у людей. И какой-то самоцвет, ничего не стоящий, может оказаться в перстне особы королевской крови, и его цена взлетает до небес. Покруче любого бриллианта. Поэтому просто подожди.

– Она мне нравилась, – расстроено проговорила я, но кивнула. Буду ждать, надеяться на чудо. Что мне ещё остаётся? Я заставила себя улыбнуться Давиду. Снова поблагодарила: – Спасибо вам. От меня сегодня одни неприятности, но вы кинулись мне на помощь. Вы герой.

– Герой, – хмыкнул он. Приглядывался ко мне. – Перестань мне выкать. Я этого не люблю. Ещё не дорос.

– Это неудобно.

– Перед кем тебе неудобно?

Ответа на этот вопрос я не нашла, дёрнула плечом и улыбнулась. Потом помахала рукой на прощание, и направилась к подъезду. И только когда вошла в квартиру и закрыла за собой дверь, поняла, что же, на самом деле, случилось. А, может, брошка и, правда, принесла мне удачу, сыграла свою роль? Я познакомилась с Давидом Кравецом.

Но, как бы то ни было, брошку было жалко. Я утром проснулась и первым делом подумала про неё. Где она сейчас, в чьём кармане лежит? Хотя, я почти не сомневалась, в чьём именно. Но не пойду же я требовать у обормота Александра потерянную мною вещь? Наверное, надо отпустить. Легко и не жалея.

– Как это, не жалея? – ахнула Анька, когда я ей позвонила и рассказала про свои приключения. Правда, не про все приключения, только про часть. Про участие Давида в них я почему-то решила умолчать. – Она сумасшедших денег стоит!

– Не таких уж сумасшедших, – вяло воспротивилась я. – Всего лишь двадцать пять тысяч…

– Всего лишь! Я и забыла, ты же у нас богатенький Буратино, у тебя двадцать пять тысяч рублей – это всего лишь! Ночью выйдешь на поле Дураков и нарастишь себе ещё полтинник. А вот когда такое сделаешь, тогда и будешь говорить: всего лишь!

– Ань, ну прекращай.

– Лида, надо пойти к этому хмырю и потребовать, чтобы

он тебе брошку вернул!

– Я же не знаю точно, у него она или нет.

– Надо узнать, – упрямо нудела Анька.

– Я к нему не пойду! Он псих, у меня до сих пор горло болит.

– Тогда пойдём в полицию!

– Да, Петрович сильно обрадуется, когда я посетителя его ресторана обвиню в нападении. И я вылечу с работы. Скажет, что я сама виновата, что задницей перед ним крутила. Нет уж, чёрт с ним.

– Но это несправедливо! – приуныла Анька.

Мне её было нечем успокоить.

– Жизнь, вообще, штука сложная, и редко справедливая. Так что расслабься, и получай удовольствие. Получаешь?

– По полной, – вздохнула сестра, и трубку положила.

Чтобы чем-то себя отвлечь, сделать что-то полезное, по крайней мере, для души и совести, я решила навестить отца. С тех пор, как устроилась на работу, времени совсем и не было, а всё-таки мы теперь живём в соседних дворах. Вряд ли остальные родственники будут рады меня видеть, но я не должна забывать о том, что я дочь, имею право знать и участвовать в жизни родного человека. А временами и заступиться за него. Зная свою мачеху, времена эти случаются не редко. Мы много лет жили в разных городах, я не лезла в их семью, и, признаться, увидев отца после долгой разлуки, пребывала в некотором замешательстве. Он стал совер-

шенно не похож на того человека, на того папу, каким я его помню. Сильным, цветущим, в детстве мне казалось, что он самый лучший мужчина на свете. Хотя, так все девочки думают про своих отцов. А сейчас словно сдался и смирился. Луиза совершенно подмяла его под свою пяту, и направляет всего его действия в нужную ей сторону. К тому же, тётя Наташа едва ли не ежедневно сокрушалась из-за его судьбы, и строила одну страшную гипотезу за другой.

Конечно же, никто меня в гости не звал, и моему появлению, кроме отца, никто не обрадовался. Женька открыл дверь, увидел меня и недовольно поджал губы. Но в квартиру впустил, правда, забыв поздороваться.

– Пап, – крикнул он, отвернувшись, – Лида пришла!

Из комнаты выглянула его жена с ребёнком на руках, и я вдруг подумала о том, что никогда не видела её одну, без одного из детей на руках или у её юбки. До того, как мы породнились, я её не знала, на свадьбу меня не позвали, и впервые я увидела Иру уже с младенцем на руках, несколько лет назад приехав в короткий отпуск.

Я скинула с ног туфли, надела дежурные тапки, и, не дожидаясь приглашения, прошла на кухню. Взгляд сам собой скользил по стенам некогда родной мне квартиры. Здесь я прожила до восемнадцати лет, считала своим домом, а сейчас ничего не узнавала. Новый ремонт, контрастные обои, видимо, с намёком на определённый дизайнерский стиль, даже мебель в квартире мне незнакомая. Я не переступала

этот порог последние три года, это точно.

Отец мне обрадовался. Он смотрел телевизор на маленькой кухне, сидел у окна и пил чай из большого бокала. Меня увидел, поднялся и улыбнулся. А я всё равно отметила отстранённость в его взгляде. Не по отношению ко мне, а, наверное, ко всему происходящему в его жизни. Он ни на что не раздражался и ни на чём не зацикливался. Жил так, как жил. Всё в его жизни сложилось, как считалось, жена, большая семья, дети и уже внуки. Работа, дом и старенький «жигулёнок» в гараже. Он искренне считал, что жаловаться ему не на что. А вот мне было его жаль.

– Лидуня, как я рад. Давно не виделись с тобой. Хочешь чаю?

– Не хочу, пап. – Я присела на табуретку у стола, окинула взглядом маленькую кухню. Стало как-то грустно. – Просто зашла тебя проведать. Какие новости?

– А какие у нас новости? Это в телевизоре новости, а у нас так… – Отец отмахнулся. Меня разглядывал. – Красивая ты стала, Лида. Взрослая такая. Давно тебя не видел, отвык.

Я растянула губы в улыбке.

– Привыкай. Кажется, я надолго приехала.

Отец брови сдвинул, в намёке на тревогу.

– А что такое? Неприятности? Деньги нужны?

– Деньги всем нужны, – философски отозвалась я. – И неприятностей у меня нет. Зато работа неплохая, придётся остаться, поработать.

– Работа – это очень хорошо. С работой сейчас туго. Завод-то мой закрыли. А я рассчитывал, что на пенсию уйду, сторожем туда пристроюсь. А что? Хорошее место, сутки через трое.

– Так нет же уже места, и завода нет. Что ты думаешь?

– Да это я так, по привычке. Попей чайку-то. А то худая какая-то.

– Ну вот, только что говорил, что красавица, а теперь худая.

– Ты всегда красавица. Вся в мать.

Я печально вздохнула.

– Мы с Анькой на кладбище ездили, – сказала я.

Отец мелко закивал, а от меня отвернулся, засуетился вдруг.

– Это правильно, это хорошо. На могилку ходить надо. Я тоже недавно был. – И добавил: – У всех был, всех помянул.

Привычная отговорка. Я знала, что папа частенько бывает на кладбище, но при Луизе всегда рассказывает о многочисленной родне, схороненной на городском кладбище, но никогда о маме.

– А ты часто поминаешь? – спросила я. Отец обернулся, а я взглянула многозначительно. – Странно выглядишь, похудел. И небритый.

Он поскрёб колючий, худой подбородок.

– Так а чего, я же на выходных. На работу пойду, побреюсь. Это обязательно.

– Пап, не пей, – не стала я больше юлить. – Много, по крайней мере.

– А я много не пью. – Отец неожиданно расплылся в широкой улыбке. – Мы с Иванычем такой коньячок настояли, пальчики оближешь! Всё сами, всё экологически чистое.

– Знаю я ваш коньячок, – фыркнула я. – Первак чистейший. Так в гараже и капаетесь?

– Ты, Лидка, отца-то не учи. Отец учёный, лучше тебя знает. – Он поставил передо мной чашку с чаем. – Пей чай, вот пряники ешь. Про работу расскажи.

Я подумала, подумала, а пряник взяла. Откусила.

– Работа хорошая. Я с Анькой теперь работаю. Ей спасибо, сама бы я туда не пробилась.

– Так сестрёнка же, правильно, что подсобила. Тётка как?

– Хорошо. Борется с мировой несправедливостью.

– Любитель она этого дела.

Я отцу кивнула, и, понизив голос, поинтересовалась:

– А где оно?

Отец непонимающе нахмурился, и тоже шёпотом переспросил:

– Кто?

– Вселенское зло. Жена твоя где?

Отец тут же отодвинулся и сплюнул с досады. А я рассмеялась.

– Да ну тебя, Лидка! – Даже пальцем по краю стола постучал, как делал в моём детстве. – Сколько раз просил, не цеп-

ляйтесь вы друг к другу.

– Так мы и не цепляемся. Это я любя.

Отец укоризненно качнул головой.

– На рынок пошла. Детям творог купить.

– Дети – это святое, – пробормотала я, подула на чай, прежде чем сделать глоток. В этот момент на кухню Женька заглянул. Остановился в дверях, привалился плечом к косяку и на меня посматривал. Затем спросил:

– Так что у тебя с невыносимостью провинциальной жизни?

Я принципиально на него не смотрела.

– Привыкаю, – ответила я. И решила порадовать: – Почти привыкла, работу нашла. А, глядишь, и замуж соберусь. Так что, об отдельной от родителей жизни, забудь. Единственный выход, найти тебе нормальную работу, и перестать плющить задницу в своём сервисе. Тогда квартиру купишь. Сам.

– Умная, да?

– Чтобы всё это понять, много ума не надо. – Я вскинула руки, изображая атлета. – Нужны мускулы.

– Дети, не ссорьтесь, – попросил отец. Я как раз дожевала пряник, допила чай и поспешила подняться.

– Пойду я. Папа, теперь ты ко мне в гости приходи. Лучше по утрам, вечерами я работаю.

– Слышали, слышали, – протянул Женя. – В кабак пристроилась. Прямо тянет тебя туда.

– Ага. Со сцены Есенина читаю. – Я наклонилась, отца

в щёку поцеловала. Проговорила ему на ухо: – Помни, о чём я тебя просила. Тётка тоже беспокоится.

– Её хлебом не корми, дай побеспокоиться за кого-нибудь.

– Не за кого-нибудь, а за тебя. Мы же семья. – Я прошла мимо сводного брата, кинула на того задумчивый взгляд. – Пока, семья.

Женька мне не ответил, прошёл на кухню и сел на моё место. Что ж, не больно-то и хотелось. Хотя, помню, были, были времена, пусть и длились они совсем недолго, когда я с удовольствием возилась с ним и с Полиной, решив, что мачеха мачехой, а младшие брат и сестра – это совсем другое. Я водила их за руку гулять и помогала с уроками. Вот только вся эта идиллия не продлилась и года, и, кроме меня, об этом вряд ли кто-то помнит.

Выйдя из подъезда, я почувствовала себя лучше. В квартире на меня навалилась тоска, словно, меня кто-то удушить пытался, теми же воспоминаниями. Оказавшись на улице, я вдохнула полной грудью, сощурилась на солнце, а пока искала в сумке солнечные очки, к подъезду подкатило такси, и из него выпорхнула Полина. Судя по её виду и наряду, девочка только возвращалась домой, поутру. Кстати, часы показывали почти полдень. Полина вышла из автомобиля, одёрнула короткое платье, на какой-то миг покачнулась на высоких каблуках, видимо, ноги не держали после ночного веселья, меня увидела и поджала губы точно так же, как брат совсем недавно. Уверена, доведись мне сейчас встре-

титься с их матерью, на её лице появится точно такая же гримаса, один в один. Одно слово – семья.

– Ты что тут делаешь? – спросила Полина вместо приветствия.

– Отца навещала.

– А-а. А я подумала, что в тебе проснулась совесть, и ты пришла оценить, как мы тут друг у друга на головах сидим. Пока ты одна в двушке припеваючи проживаешь.

– Во-первых, не припеваючи, а, во-вторых, ты-то что жалуешься? Что-то мне подсказывает, что ты и ночуешь дома через раз. Никто тебе не мешает.

– Жизни меня учишь, что ли?

– Была бы охота, – фыркнула я. Окинула сестру беглым взглядом. Кстати, туфли на ней новые и явно дорогие. Мне такие не по карману. – Просто жаловаться прекращай. Или выходи замуж и съезжай, разрядишь обстановку.

– Тебя спросить забыли, – проворчала Полина. Откинула за плечи длинные волосы, которые этим утром пребывали в некотором беспорядке. Сводная сестра выглядела невыспавшейся и от этого немного потускневшей. Но всё равно красивой и взрослой. Наверняка, отбоя от поклонников у неё нет. А она выбрала пузатого папика. Странно это, Анька права.

Мы не попрощались, Полина направилась к подъезду, а я молча развернулась и направилась в сторону своего дома. На душе было тягостно, и это после визита в родительский

дом, к своей семье. Я остановилась и обернулась, подняла глаза к окнам квартиры. Увидела отца у кухонного окна, он помахал мне рукой. А мне стало ещё больше его жаль. Не знаю почему, может быть, из-за его наигранно-бодрой улыбки.

Конечно, приехав на работу в этот день, я не смогла пройти мимо стоянки такси, на которой вчера со мной случилась неприятность. Ожидать, что я найду брошь, было, откровенно, глупо, но я всё равно пошла. Вокруг люди, на стоянке несколько такси, водители рядом курят, собравшись в круг. А я остановилась и принялась оглядываться. Потом обошла вокруг фонарного столба, к которому меня вчера Александр прижал. Кругом асфальт, ни травинки, ни выбоины, закатиться брошь никуда не могла, и остаться незамеченной тоже. Оставалось только руками развести в бессилии.

Я, на самом деле, не собиралась ничего предпринимать. Несмотря на то, что брошку было очень жаль, вспоминать о вчерашнем происшествии было неприятно. В душе сразу начинались волнения, и совсем не из-за того, что меня спас мужчина мечты. Неприятно было именно потому, что на меня напали, а я, если честно сказать, не сумела оказать никакого сопротивления. Я растерялась, испугалась, и ни о какой смелости с моей стороны и речи не шло. В один момент я почувствовала себя ватной куклой. И это всерьёз напугало. А ведь раньше я была уверена, что случись со мной нечто подобное, я сумею оказать достойное сопротивление. Я думала

так, выслушивая страшные истории подруг, знакомых и даже незнакомых женщин с экрана телевизора. Всегда так кажется. Думаешь, что ты обязательно что-нибудь сделала бы, не позволила, дала отпор. А когда подобное случается с тобой, ты теряешься и застываешь от ужаса. И вся надежда на какого-нибудь спасителя, хотя бы случайного.

Мне повезло.

Но выносить на всеобщее обозрение свой страх я не собиралась. Даже Аньке, при встрече, бодро улыбнулась, а когда она начала задавать вопросы, отзывалась легко, правда, больше отмахивалась, чем отвечала. А вот сестра была полна негодования.

– Нужно что-то сделать, Лида. Как-то этого козла наказать.

– Интересно, как ты собралась его наказывать, – усмехнулась я криво, и поспешила отвернуться к своему шкафчику. Я не хотела эту тему даже обсуждать.

– По крайней мере, нужно забрать у него брошь!

– Ты не знаешь, что она у него.

– А у кого? – Анька в возмущении всплеснула руками. – Ты же сама говоришь, что никого больше не было.

– Не было, – согласилась я.

– Значит, он забрал. Мерзавец. Я на него заявление в полицию напишу, хочешь? У меня знакомый есть!

– Ещё не хватало, – заволновалась я. – Чтобы меня таскали на допросы, и каждый раз видеть там эту рожу?

Анька привалилась спиной к стене, руки на груди сложила.

– Тоже верно. Но брошку жалко.

– Жалко, – в который раз за это утро вздохнула я. – Очень жалко. Она была такая красивая.

– Её княжна носила, – поддакнула Анька, а я заподозрила сестру в издёвке, и кинула на ту выразительный взгляд. Анька притворилась невинной и удивлённой, глаза на меня вытаращила. А затем поспешила ретироваться, сообщив, что до начала работы у неё ещё полчаса, и ей хотелось бы найти знакомую, что работает в гостинице горничной. – Она мне денег за такси должна, – отговорилась Анька, и оставила меня одну.

Я, если честно, минуте тишины порадовалась. Настроение сегодня с утра было аховое, да и общение с близкими родственниками его никак не улучшило, и хотелось помолчать и себя пожалеть. В темном уголочке. Поэтому я присела на скромный диванчик в углу, прижалась виском к стене, но пообещала себе, что через несколько минут выйду из раздевалки во всеоружии. То есть, с шикарной улыбкой на лице.

Розы, подаренные, если так можно выразиться, мне вчера Александром, так и стояли в вазе у двери. Я то и дело кидала на них недовольный, хмурый взгляд, хотя и понимала, что цветы ни в чём не виноваты. Им просто не повезло. Как и мне.

– Я всё узнала.

Анька налетела на меня, навалилась грудью на стойку администратора и заговорила громким, восторженным шёпотом. Я на сестру исподлобья глянула, перевернула страницу книги записей, и всё же решила полюбопытствовать:

– О чём?

– Об этом московском гаде. Он живёт в 603 номере. И завтра уезжает.

– Слава Богу, что сегодня последняя смена, и до пятницы я совершенно свободна, – съязвила я.

– Да я не об этом. Хотя, это, конечно, слава Богу. Но я о том, что нужно непременно забрать у него брошь.

Я перестала переворачивать страницы, на сестру посмотрела. Предостерегающе.

– Ань, ты чего удумала?

– Хочу восстановить справедливость. – Анька даже кулаком по стойке стукнула, но не сильно, чтобы внимания не привлекать.

– Мы не знаем, у него ли брошка, – пыталась я её вразумить.

– Вот и надо проверить.

– Как?

– Я же тебе говорю, я всё узнала. Его номер убирает знакомая мне девочка. Как только этот гад уйдёт, мы незаметно войдём в его номер, она даст нам карту от замка, и мы посмотрим.

– Ты сдурела? Что значит, незаметно?

– То и значит.

– Ань, ты дылда под метр восемьдесят, да и я на каблуках недалеко ушла. У нас не получится быть незаметными.

– Хватит уже язвить. Он же не на центральной площади ночует. В коридорах людей немного. А мы войдём и просто посмотрим.

Я сверлила сестру взглядом, пытаясь решить, так ли серьёзны наши проблемы, раз она говорит о том, чтобы вломиться кому-то в номер с таким азартом, после чего решительно качнула головой.

– Я не пойду.

– А я пойду, – упорствовала Анька. – Просто из принципа. А если ты мне сестра, то ты меня одну не пустишь, – закончила она торжественно. Развернулась и отправилась прочь, вся такая гордая и решительная. А мне оставалось лишь ругнуться ей вслед неслышно. Конечно, я не пущу её одну. Но если тёте Наташе придётся нам обоим передачки в тюрьму носить, то она будет расстраиваться в два раза больше. Это огорчает.

Единственный вечерний перерыв у нас был в шесть вечера и длился он полчаса. Позже начинался наплыв гостей, и вырваться хотя бы на десять минут становилось практически невозможно. Да и из-под пристального взгляда Петровича не удерёшь. Он руководил рестораном железной рукой, при этом, не вызывая у сотрудников никаких нареканий своей строгостью. Меня это неизменно поражало, но все без ис-

ключения управляющего уважали, а некоторые даже любили. А уж когда Озёрский принимался кулаком по столу стучать, в благоговении замирали. Это означало, что ресторан ожидают перемены и совершенствования, которые обычно вели к увеличению заработка, хоть и незначительно. Но всё равно ведь приятно, правильно? Петрович переставал быть довольным сложившимся укладом, впадал в раздражение, стучал кулаками и тут же выдавал решение проблемы или новую идею.

Кстати, кулаками Петрович стучал как раз вчера, и поэтому все находились в режиме ожидания. И свои дела надлежало делать поскорее, пока у нас вечерний перерыв и вовсе не отменили. Вот Анька за барной стойкой и приплясывала от нетерпения уже около часа. Я это прекрасно видела, как видела и горничную, которая недавно прошмыгнула к моей сестренке от дверей кухни и что-то той быстро на ухо нашептала. Признаться, у меня на сердце камень лёг. С нашего с Анькой разговора прошло четыре часа, и я очень надеялась, что она поостынет и передумает, но нет. С моей сестрой такого не бывает. Анька злопамятна до чёртиков, особенно, к чужим, особенно, к мужикам. А уж столичным проштрафившимся принцам я и вовсе не завидую. И вот теперь я краем глаза наблюдала за тем, как Анька готовится к старту и то и дело посматривает на часы. Я невольно тоже наблюдала за ходом стрелок. Час икс неумолимо приближался.

– Николай Петрович, мы на перерыв! – выдохнула Ань-

ка, проносясь галопом мимо Озёрского, как только большая стрелка коснулась двенадцати.

Петрович обернулся ей вслед, потом на опустевший бар, головой качнул. Затем строго взглянул на помощника бармена, молоденького мальчика по имени Дэн, брошенного своим учителем на произвол судьбы на третий день работы.

Анька же за руку вытащила меня из-за стойки администратора.

– Пойдём.

Я обернулась через плечо и послала улыбку Николаю Петровичу, который тут же принялся изучать книгу заказов, как только я оставила её без присмотра. А сестру одёрнула.

– Перестань вести себя, как сумасшедшая. Ты, можно сказать, идёшь на преступление, а привлекаешь к себе внимание.

Анька выдохнула, правда, шаг не сбавила, так и тянула меня за собой, как на буксире. К служебному лифту.

– Нам надо торопиться. Ленка сказала, что он ещё час назад уехал.

– Так может он вернулся!

– Может, – согласилась Анька, решительно нажимая кнопку шестого этажа. Обернулась ко мне и упёрла руки в бока. – Поэтому она пасется там, и доложит нам обстановку, как только мы появимся.

Я подозрительно прищурилась.

– Что-то у тебя всё так складно и продумано. Признайся,

ты подрабатываешь наводчицей?

– Дура ты. Я же для тебя стараюсь. Надо отомстить этому гаду.

– Как бы нас с тобой после не уволили с волчьим билетом.

– Не волнуйся. Мы аккуратно отомстим. Никто не узнает.

Я только глаза закатила, но как сестру переубедить, не знала.

Мы вышли на шестом этаже и оказались в скучном, сером техническом помещении, больше похожим на склад бытовой химии. И только выйдя за дверь, под ногами обнаружился дорогой ковролин, а тёплый свет лился на кремового цвета стены и милые картины на них. Анька вела себя как заправский шпион, ступала неслышно, озиралась и выглядывала из-за угла. Всё это выглядело комично, и я решила, что понаблюдаю. Почему-то не верила, что мы сможем попасть в чужой номер. Но всё оказалось довольно просто. Нас встретила та самая девушка по имени Лена, худенькая, какая-то бесцветная на вид, но зато глаза у неё горели под стать Анькиному огненному взору. Видимо, сестра подружке всё рассказала, а у той, скорее всего, свои счета к пройдохам-постояльцам, вот и кинулась справедливость восстанавливать. Она поманила нас пальцем к нужному номеру, возле него стояла тележка, уставленная всевозможными бутылками для уборки, а из кармана фартука достала карту-ключ. И вот тогда заговорила громким, тревожным шёпотом:

– Его нет. Я следила. Но вы всё равно побыстрее. Я буду

в соседнем номере убирать, послежу в коридоре.

Анька взглянула на неё, как на товарища-партизана, разве что руку не пожала, а когда дверь открылась, шмыгнула в номер. Я ещё колебалась, целую секунду, но сестра уже перешла черту, так сказать, совершила должностное, да и уголовное преступление, ради меня, между прочим, и поэтому бросить её в такой момент, было бы настоящим предательством. И поэтому я последовала её дорогой. Как говорится, сам погибай, а товарища выручай.

Правда, я не удержалась и шёпотом пожаловалась:

– Ну что, что мы тут делаем?

Дверь за нами беззвучно прикрылась, я невольно оглянулась, а потом, от безысходности, окинула взглядом номер. Надо сказать, что номер был не из дешёвых. Лично я в таких никогда не останавливалась, даже когда с Мишкой в отпуск ездила, а не одна. А тут просторная комната, панорамные окна, балкон с витыми решётками и мягкими креслами на нём. По одной стене низкая стойка для аппаратуры, большой плазменный телевизор на стене. Барная стойка в углу с высокими табуретами рядом, а у окна большая кровать с кроваво-красным покрывалом, всё аккуратно застелено. Видимо, горничная в номере уже побывала.

Я стояла и оглядывалась. А вот Анька шуровала по ящикам и шкафам. Понятия не имею, что искала. Я была уверена, что если бы Александр и подобрал мою брошь, то особой ценности в ней бы не увидел. Ведь её и не было. Ки-

нул бы на журнальный столик или прикроватную тумбочку, явно не стал бы припрятывать или запирать в сейф.

Про сейф Анька тоже подумала. В какой-то момент застыла, потом встрепенулась и вскинула вверх указательный палец, на манер Эркюля Пуаро.

– Сейф! Эх, жалко ключей нет.

– Можно вскрыть шпилькой, – пожала я плечами.

Анька оглянулась, на меня посмотрела с живым интересом.

– А ты можешь?

Я пожала плечами.

– Конечно.

Сестра, наконец, поняла, что я несерьёзно и обиженно надулась.

– Нашла время издеваться.

– Ань, пошли отсюда. Здесь ничего нет.

– Ты даже не посмотрела, – укорила она меня. – Стоишь, как истукан.

– Я не привыкла копаться в чужих вещах.

– А ты не в чужих копайся, ты своё ищи, – подсказала она. Потом откинула крышку чемодана, что стоял на краю постели. – Глянь, уже вещи пакует. Смываться надумал.

– Скатертью дорога, – не утерпела я. – Броши нет, пошли.

– Ну, уж нет, я его так просто не отпущу, – зловеще проговорила Анька, достала со дна чемодана белоснежную рубашку, повертела её в руках, после чего приложилась накрашен-

ными губами к воротничку. – Вот так, подарочек ему. – Рубашку свернула и положила её снова вниз, под стопку одежды. Кинула на меня многозначительный взгляд. – Что? Пусть жена его знает!.. Какой он гад.

Я фыркнула. Если честно, жутко нервничала, а оттого, что Анька дурила, меня от ожидания начало подташнивать.

– Задвинь чемодан назад, – шикнула я на сестру. Та наклонилась, и в этот момент, к своему ужасу, я услышала мужской голос прямо за дверью, у которой стояла. И дверная ручка начала поворачиваться.

– Благодарю, – проговорил зычный баритон, – но у меня сегодня уже была уборка.

Лена явно пыталась заговорить зубы хозяину номера в коридоре. Мы с Анькой застыли, в панике глядя друг на друга, сестра, как рыба, открыла рот, и только глазела на меня, а я, в последнюю ужасную секунду, схватила её за руку, и пихнула в сторону окна.

– На балкон, на балкон, – зашипела я дурным голосом.

Мы выскочили на балкон, я задвинула стеклянную дверь, и мы на пару секунд окаменели, вжавшись спинами в шершавую стену. Но успокаиваться было рано. В номере наметилось движение, слышались шаги, я сглотнула раз, потом другой, чувствуя, что от волнения у меня пересохло во рту. Понимала, что как только мужчине придёт в голову выйти на балкон, мы будем пойманы с поличным. И тогда можно будет попрощаться с работой. А то и на полном серьёзе уго-

дить за решётку.

Я пихнула сестру локтем, после чего кивнула на перила соседнего балкона. Анька посмотрела туда, затем перевела бестолковый взгляд на меня, но уже спустя секунду её глаза расширились от ужаса. Она даже пальцем у виска покрутила, но я грозно сдвинула брови и тихо, но на полном серьёзе, выдохнула ей в лицо:

– Лезь.

И она полезла. Знаете, наблюдать за тем, как кто-то перелезает с балкона на балкон, пусть тот и находился на расстоянии вытянутой руки, и то не фонтан, а вот лезть следом…

– Я тебя убью, я тебя убью, – бормотала я, перекидывая ногу через перила и делая шаг над пропастью. Шаг был небольшой, и не особо опасный, но мы находились на высоте шестого этажа, и это как раз было жутко. Я вцепилась в перила соседнего балкона, перекинула ногу, и в этот момент поблагодарила бога, что он дал мне длинные, крепкие ноги. Мне впервые было наплевать на то, красивые они или нет. Главное, что длинные.

Анька вцепилась в мой локоть, видимо, пыталась поддержать, мы посмотрели друг на друга, выдохнули, а потом повернулись в сторону номера, на балконе которого оказались. И меня едва не хватил инфаркт, когда за стеклом я увидела Александра. Он стоял к нам вполоборота, разговаривал по телефону, но, по всей видимости, краем глаза успел заметить движение на балконе, начал поворачивать голову, и вот

тут мои нервы не выдержали, и я заголосила, снова принявшись подталкивать сестру:

– Лезь, лезь!

Анька глаза вытаращила, и уже, как заправский домушник, полезла через очередной балкон, очередное препятствие. Перелезала через перила, в суматохе и панике, и в очередной раз оказавшись на соседнем, не удержалась на ногах, приземлилась на четвереньки и ткнулась лбом об пол. А следом торопилась я. Как я перелезла за ней следом, я даже не запомнила. Я слышала только звук отодвигаемой балконной двери, и мне казалось, что у меня в мозгу вот-вот что-то взорвётся. Я подхватила Аньку, и буквально волоком втащила её в номер, в котором гудел пылесос. Пылесос гудел, а Ленка стояла бледная и только в ужасе таращила на нас глаза. А я всё повторяла:

– Бежим, бежим!

Мы с сестрой вылетели из номера и помчались по коридору, куда глаза глядят. Впопыхах перепутав направление, рванули не к служебному лифту, а к гостевому. Но думать об этом было некогда. Я видела Александра, видела, как он открыл дверь своего номера, но мы уже были у лифта, тот как раз открыл двери, мы влетели внутрь и в панике одновременно потянулись к кнопке первого этажа.

– Что случилось? – завопила Анька.

– Это был не тот номер, дурища, – застонала я, закрыла лицо руками.

Двери, наконец, закрылись, но лифт не двигался. Я руки от лица отвела, снова потянулась к панели с кнопками, но поверх моего плеча появилась мужская рука и нажала кнопку вперёд меня. Мы с Анькой в ужасе оглянулись, и уставились на Давида Кравеца. Тот с интересом нас разглядывал.

– У вас забег по гостинице?

5 ГЛАВА

Оказалось, что прошло всего двадцать минут. Двадцать самых худших минут в моей жизни. Мы с Анькой стояли на крыльце во дворе гостиницы, наблюдали, как на кухню выгружают продукты, а мы с сестрой выглядели, наверняка, как два приведения. Анька курила в затяг, а я только глазами хлопала, пытаясь осмыслить произошедшее. Мы молчали, молчали, а потом Анька проговорила:

– Чёрт, а кому же я рубашку испортила?

Мы переглянулись, и начали смеяться. Хохотали, как помешанные. Я опустилась на каменный парапет крыльца, закинула голову назад и аккуратно вытерла слёзы, выступившие на глазах от смеха. Правда, весело мне совсем не было. Можно было только поразиться тому безумству, которое мы с Анькой сотворили.

– Александр нас видел, – сказала я, в конце концов.

– Пусть катится, – выдохнула Анька вместе с клубом дыма. – К нему в номер мы не вламывались. А стоило бы!

– Подружка твоя всё перепутала!

Анька плечами пожала.

– Бывает.

Я глаза на неё вытаращила.

– Бывает? Хочу тебя расстроить, с нормальными людьми такого не бывает!

Анька снова хохотнула, расправила плечи, снова затянулась и улыбнулась спокойно.

– Лишь бы Давид нас не сдал. Хотя, он не из таких.

– Зато он теперь думает, что мы обе чокнутые.

– Пусть думает, что хочет. Какое нам дело?

– Тебе да, – чуть слышно пробормотала я. Взглянула на часы. – Надо возвращаться в зал. А мне выпить хочется. Стакан водки залпом.

Анька затушила сигарету, а меня похлопала по плечу.

– Ты переволновалась, пройдёт.

В зале ресторана я появилась с каменным выражением на лице. Знала, что Петрович встретит меня подозрительным взглядом. Он отчего-то всегда меня в чём-то подозревал. Вроде и относился неплохо, но подозревал. Видимо, доверия я ещё не заслужила.

И не заслужу, если буду по балконам скакать.

– Ты чего раскраснелась? – спросил бдительный начальник.

Я притворно схватилась за щёки.

– Не знаю. Чай пила.

Озёрский хмыкнул, после чего вышел из-за стойки администратора, освобождая для меня рабочее место. А я заулыбалась только что появившимся гостям.

– Добрый вечер, добро пожаловать! Вы заказывали столик?

Я всеми силами изображала доброжелательность и спо-

койствие.

Вскоре появился Александр. Я внутренне напряглась, но заставила себя растянуть губы в улыбке, хотя, в ней не было ни намёка на приветливость. К тому же, он заявился один, без друзей-товарищей, и сразу ко мне подошёл, заказ столика его, кажется, вообще не интересовал. И сходу поинтересовался:

– Что это было?

Я удивлённо взмахнула ресницами.

– Что?

– Перестань выкручиваться. Что вы делали на моём балконе?

– Это были учения, – сообщила я ему якобы по секрету. – Проверка реакции работников отеля. Я справилась на «отлично».

Александр сдвинул брови, грозно и недоверчиво. И совсем не по-джентельменски ляпнул:

– Чё ты лепишь?

Я вздохнула. Разговаривать с ним мне совершенно не хотелось. Если честно, после сегодняшнего всплеска адреналина, я даже злиться на Александра перестала, и уж точно больше не боялась. И поэтому заучено поинтересовалась:

– Вам столик предложить? Поужинать желаете?

– Ты чокнутая?

– А что? Боишься, что связался с чокнутой? Чокнутая так запросто обиду не спустит, догонит и в Москве.

– И чем это я тебя обидел?

– Действительно, – подивилась я. – Напал на женщину ночью, на стоянке, синяков наставил, напугал… Верю, что впечатлить, наверное, хотел, но я как-то не впечатляюсь от пьяных самовлюблённых придурков.

Он облокотился на стойку, ко мне наклонился и угрожающе проговорил:

– А если я на тебя жалобу напишу? Вылетишь отсюда с треском.

Я заставила себя сделать осторожный вдох, после чего посмотрела ему в глаза.

– А если я заявление напишу? Не забывай, у меня свидетель есть. Интересно, куда ты тогда вылетишь и с каким треском.

Он сверлил меня злым взглядом, после чего сделал шаг назад, направился было к двери, а я решила всё же поинтересоваться:

– Ты брошку мою не видел? Я её вчера потеряла.

Александр кинул на меня через плечо выразительный взгляд и ничего не ответил, но в глазах у него проскользнуло злорадство. Он вышел за дверь, а я в раздражении топнула ногой, ругнулась про себя, но потом лишь пробормотала себе под нос:

– Подавись.

Странно, но весь вечер я проработала в приподнятом настроении. Или нет, не так – во взбудораженном состоянии.

Я улыбалась, даже смеялась, искренне делала комплименты гостям, и всё чего-то ждала. Как выяснилось, не зря. Ближе к закрытию появился Давид, глянул на меня с намёком, качнул головой в такт каким-то своим мыслям, но я догадывалась, о чём именно он подумал, увидев меня. И не смогла сдержать улыбки. Но открыто встречаться с ним взглядом, а уж тем более что-то обсуждать, было нельзя. И поэтому я лишь проводила его к столику и следующие полчаса украдкой наблюдала за тем, как он ест. Внутри порхали бабочки. Я явно сбрендила на этой работе.

Анька тоже выглядела загадочно и улыбалась. Даже когда мы переодевались в конце смены, собираясь домой. Я даже неладное заподозрила и спросила:

– Ты ведь никому не проболталась?

Сестра вытаращила на меня глаза.

– Нет, конечно, ты что?

– Вот и не болтай, – предостерегла я её.

На улице нас ожидал сюрприз. Не Александр и не Давид, к моему огромному огорчению, а бывший Анькин муж, Витя Беребесов. Его фамилия ему отлично подходила, с самой буйной юности его в глаза и за глаза называли Бесом. А объяснялось всё довольно просто: дурная голова его ногам никак покоя не давала. С Анькой они развелись два года назад, сестра материлась и топала ногами, и кляла себя за неосмотрительность и явное наступившее в какой-то момент помешательство, раз умудрилась выйти за Витьку за-

муж. Хотя, я то знаю, что она его любила, с самой юности. Я тогда ещё считала это странным, но парень-обалдуй казался сестре светом в окне. Ну, вот и досмотрелась в это самое окно. За четыре года брака Анька истратила кучу нервных клеток, пролила ведро слёз, что вообще никак на мою сестру не похоже, сломала о спину мужа два веника и набрала десять лишних килограммов. А обалдую всё ни по чём. Он и разводиться не желал, не понимал причины. При том, что сам Витя к моменту развода полгода сидел без работы, пропадал с дружками по пивнухам и гаражам, и даже завёл молоденькую любовницу. Но, по его мнению, на его счастливую семейную жизнь это никак не влияло. Ведь Аньку он любил и готов был носить ту на руках. Правда, после того, как вынес её на этих самых руках из загса, ни разу подобного фокуса не повторял. Но в своих фантазиях был крутым мужиком и идеальным мужем.

Если честно, я порадовалась за сестру после того, как та вновь стала свободной женщиной, и освободилась от тяжкого бремени. Анька уже два года, как плевалась при одном упоминании имени бывшего мужа, и поэтому я совсем не ожидала увидеть Витюшу под дверями ресторана. А он стоял грустный, под светом электрического фонаря, и пинал носком поношенного кроссовка камушек. А как нас увидел, оживился, даже улыбнулся. Правда, уже через секунду я поняла, что его оживление и улыбка ко мне никакого отношения не имели. Потому что, разглядев меня за плечом бывшей

жены, Витёк скис. Что ж, обижаться глупо, я тоже не слишком рада его видеть.

– Явление, – пробормотала Анька недовольно. Но я заметила, как при этом она расправила плечи и выпятила грудь, стараясь показать свою усовершенствованную за последние месяцы фигуру во всей красе. А у бывшего мужа поинтересовалась, забыв поздороваться: – Что ты тут делаешь?

– С работы тебя встречаю. – Витюша рискнул улыбнуться. А после короткой паузы, в течение которой он, видимо, обдумывал свои шансы, короткая улыбка досталась и мне. – Привет, Лид. Ты в городе?

– В городе, – отозвалась я без энтузиазма. – Живу и работаю.

– Здесь, что ли?

– Здесь, – расстроила я бывшего родственника, чтобы знал, что запросто сюда теперь не потаскаешься.

– Ты зачем пришёл? – повторила Анька, придирчиво разглядывая «любовь всей своей жизни».

– Тебя хотел увидеть. Скучаю.

Сестра многозначительно глянула на меня. Передразнила:

– Он скучает. Год не виделись, он не скучал, а тут соскучился.

– Я всегда скучал, – бойко отозвался Витёк. – Просто занят был.

– Работу нашёл? – «порадовалась» я за него.

Витька в первый момент нахмурился, но после выпятил

грудь колесом.

– У меня теперь свой бизнес.

– Обалдеть, – выдохнула я негромко. После чего присмотрелась к сестре: неужели та поведётся на столь примитивную уловку?

– Да правда!

Витя рискнул подступить ближе, а на Аньку смотрел заискивающе. Как подросток. Что было странно, непонятно и выглядело глупо. Для тридцатилетнего мужика почти двухметрового роста. Надо сказать, что Витенька у нас мужчина видный и рослый, наверное, именно на это Анька в своё время и купилась. Даже смазливый. Улыбаться умеет, в глаза девушкам заглядывать, и играть, так сказать, фактурой. Вот только жаль, что к этой фактуре не полагалось ни мозгов, ни совести. А то мог бы получиться и идеал мужчины. Хоть в кино снимай, и всех женщин мира обнадёживай. Но нет, не бывает в мире совершенства. Вот и стоит этот двухметровый обалдуй с глупой улыбкой и ножкой по асфальту шаркает, как подросток озабоченный.

– С Лёхой Сазоновым бизнес свой замутили, воду для кулеров развозим. У нас уже клиентская база набралась!

Я разглядывала Витька, и во мне, если честно, совершенно непонятно почему, просыпался материнский инстинкт. Хотелось мальчика пожалеть, по голове погладить, даже похвалить, а потом попросить пойти поиграть в другую комнату. Я бы, наверное, так и сделала, вот только Анька стояла,

как вкопанная, и весь этот бред слушала.

– А денег где взял? – спросила она. – В долги влез?

– Да нет же! Машину продал. «Ауди» нашу старенькую. Анют, я ведь её до ума довёл, как я тебе и обещал!..

Я вгляделась в лицо сестры, поняла, что та, на самом деле, вслушивается в речи бывшего мужа и даже что-то обдумывает, и рукой на всё это махнула.

– Ань, я поехала домой, я спать хочу. А вы тут обсуждайте развитие бизнеса.

Анька вроде встрепенулась, на меня посмотрела, и я заметила на её лице сомнение, но она всё же решила остаться и дослушать сказку до конца. А мне сказала:

– Поезжай. Я на следующем такси…

– Я сам доставлю тебя до дома, – засуетился Витька.

Тень материнского инстинкта меня покинула, жалеть я его перестала, даже захотелось дать бестолковому мужику по лбу. Но мужик был не мой, к тому же, здорово меня выше и сильнее, поэтому я махнула сестре рукой на прощание и направилась к стоянке такси. Шла и раздумывала о превратностях судьбы. Никуда, судя по всему, от этой самой судьбы не денешься.

Вместо такси уже через минуту рядом со мной остановилась знакомая мне машина. Я в первый момент замерла, не зная, как реагировать, потому что меня словно молнией поразило, и я превратилась в каменный столб. А сердце уже застучало, забилось в груди, а на щеках выступил румянец.

Хорошо хоть на улице темно, а при свете электрического фонаря такие детали рассмотреть невозможно. Дверь со стороны пассажирского сидения открылась, я невольно заглянула в салон и увидела приглашающий жест и улыбку Давида Кравеца. Улыбку, за которую можно умереть, право слово.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.